

Венок из одуванчиков

Автор:

[Ирина Градова](#)

Венок из одуванчиков

Ирина Градова

Оставив мужа, целующегося с очередной крашеной блондинкой, Яна Нагибина отправилась на поиски жилья, чтобы продолжить работу. За свою писательскую карьеру она издала уже до сорока любовных романов, надо наконец сосредоточиться на следующем.

Приглядев прелестный домик за городом, Яна не сразу поняла, почему, с виду такой роскошный, он сдавался довольно дешево. И о какой такой патогенной зоне пыталась сказать пожилая соседка?.. Но даже непрактичная и рассеянная писательница заметила, что в доме происходят странные вещи. Стоило ей оставить компьютер с рукописью на пару минут, как, возвратившись, она находила в ней абзацы, написанные не ею и превращавшие банальную мелодраму в шокирующий чувственный роман...

Ирина Градова

Венок из одуванчиков

Рос шар бел, дунул ветер – и шар улетел.

Славянская загадка

Свежий, простой и прекрасный, освободившийся из плена зимы,

Как будто никогда не бывало на свете ни мод, ни политики, ни денежных дел,

Из пригретого солнцем закоулка в траве, невинный, тихий, золотой, как заря,

Первый одуванчик весны кажет доверчивый лик.

Уолт Уитмен

Глава 1

- Знаешь чего, Станислав Виталич?!

- Чего, Ольга Андреевна?!

- Ты мне сегодня всю ауру испортил, вот чего! - гневно рявкнула Ольга, для пущей убедительности громыхнув сковородой о край чугунной раковины.

- Какую ауру, мать ты моя! - возмущенно выплюнул Стасик.

- Капитолийская волчица твоя мать, - по обыкновению, огрызнулась Ольга. - Светлую, милый друг, мою изумительную безмятежную нежно-голубую ауру...

«- Милая, милая Анна... - сцепив зубы, продолжила печатать Яна. - Если бы ты только знала, как мне хочется сжать тебя в своих горячих...»

- Да ты на всю голову больная, Ольга Андреевна! Тебе давно уже лечиться пора. Хочешь, я Анечку попрошу, она тебе психиатра посоветует...

«...объятиях, - продолжала Яна, мысленно сетуя на то, что до сих пор не осведомилась о наличии берушей в соседней аптеке, - если бы ты только знала, как велика моя любовь к тебе, то давно уже бросила своего никчемного Гарри и была бы моей... Ты ведь знаешь, что он...»

– А лечение тоже твоя Анечка будет оплачивать?! Что-то я сомневаюсь... Она, кроме борщей своих, хоть что-нибудь делать умеет?

– Да ты и того не умеешь! Сколько мы жили, хотя бы раз что-нибудь, кроме сосисек своих, сготовила!

– Сосисок, дурак необразованный!

– Сосисок, сосисек – моей язве какая разница?

– Вот только этого не надо, Стасик! Я к твоей язве никакого отношения не имею...

– Еще как имеешь, мать ты моя! Это ты нарочно меня так кормила! Чтобы я сдох поскорее и комнату свою тебе оставил!

«...мизинца твоего не стоит... Ему нужна только твоя комната...»

– Че-ертова шарманка, – тихо ругнулась Яна и, нажав на клавишу «бэкспэйс», уничтожила последствия ругани за стенкой.

Разумеется, от Анны Гарри нужна была вовсе не комната – «плохой» парень мыслил куда шире Стасика Половцева, – а все состояние жены, наследницы богатого шотландского рода Маккримонсов. Однако ни Стасик, ни Янина подруга Ольга не имели никакого представления о том, что за стенкой, в стареньком ноутбуке Яны, разворачивается целая трагедия. Куда более серьезная, чем язва, открывшаяся у Стасика из-за долгого потребления «сосисек», на которое его ежедневно обрекала бывшая жена.

– Гарри, Гарри... Ел курицу с карри... Давился и думал, что все люди – твари... – пробубнила под нос Яна, пытаясь отвлечься от криков, доносившихся из-за стены. – Ладно, поехали дальше...

«... нужно только твое состояние, из-за которого этот подлец женился на тебе...»

– Ты еще скажи, что я замуж вышла, только чтобы эту комнату получить!

«...он никогда не любил тебя по-настоящему...»

- И никогда тебя не любила!

«...если бы не твои деньги, Анна...»

- Да у тебя и денег толком никогда не было! Тоже мне нашел меркантильную...

Яна щелкнула мышкой по дискетке на панели задач и пристроила ноутбук на столик, заставленный лосьонами, косметическими салфетками, кремами и прочими Ольгиными причиндалами. Телевизор, как всегда, тихо бубнил что-то неразборчивое, но сейчас Яне хотелось включить его как можно громче, чтобы не слышать воплей, оглашающих квартиру.

- Ну все... - выдохнула она. - Я так больше не могу.

Так же, видно, решила и Анечка, нынешняя жена Стасика Половцева, - Яна столкнулась с ней в узеньком коридоре.

- Опять голоса... - испуганно прошептала Анечка, и до Яны только сейчас дошло, почему Стасик предпочел роскошной, хоть и взбалмошной Ольге этого затравленного мышонка с круглыми и большими, как грецкий орех, глазами.

- Опять, - кивнула Яна, и обе направились в кухню.

«Бывшие» даже не удосужились их заметить - продолжили спорить о том, кто больше принес вреда друг другу и что послужило причиной развода: Ольгины «сосиски» на завтрак, обед и ужин или вечное занудство Стасика.

Анечка подошла к горячо жестикулировавшему Стасику и осторожно погладила его по плечу. Анечка была «птичкой-невеличкой» - метр пятьдесят шесть ростом, - поэтому, чтобы дотянуться до плеча высокого, как стремянка, Стасика, ей пришлось встать на цыпочки.

- Стасюша... - Когда Анечка обращалась к мужу, Яне всякий раз приходилось сдерживаться, чтобы не брызнуть смехом. - Миленький... Тебе же волноваться нельзя... У тебя язва... Оленька... - умоляюще покосилась она на Ольгу. - Ну что

ж вы так ругаетесь?

Ругаться с Анечкой и впрямь было бесполезно. Во всяком случае, так считала Ольга, которая если уж начинала «растрачивать ауру», то делала это по полной программе. Поэтому она только вздохнула и покосилась на бывшего мужа, застывшего с тарелкой недоеденной овсянки в руках.

– У него спроси. Ему не понравилось, что я, видите ли, забыла тарелки помыть. Вчера не вымыла – так сегодня помою... – прорычала она, поглядев на Стасика. – Зануда чистоплюйная...

– Это кто еще... – начал было Славик, но Анечкина рука снова оказалась на его плече, и он, умиротворившись, затих.

Яна стояла и молча наблюдала за этой сценой, с облегчением думая о том, что размолвки с ее бывшим никогда не будут происходить таким образом. И хотя Ольга считала подругу дурой из-за того, что та оставила мужа в «целой» квартире, сейчас Яна понимала, что вполне оправданно оставила своему бывшему «все нажитое непосильным трудом». Как это ни банально звучит, но нервы дороже... Ольгиной глотки у нее все равно нет, да и Павел не похож на Стасика, так что чем бы закончилось их совместно-раздельное проживание – одному Богу известно.

– Я помою посуду, – шепнула Яна Ольге и, миновав скульптуру «Стасик и его маленькая жена», подошла к раковине.

– Ты помоешь... – ехидно хмыкнула Ольга, очевидно не до конца «растратившая» ауру. – Половину переколотишь, а другую перемывать придется...

– Давайте уж я, – примирительно улыбнулась Анечка, оторвавшись от своего благоверного. – Вот придумали, из-за чего нервные клетки растрачивать... Из-за какой-то посуды...

Яна внимательно посмотрела на Анечку и в ее невинных лучисто-серых глазах прочитала незыблемую уверенность в том, что вся эта сцена и впрямь из-за двух невымытых тарелок, трех чашек и пяти вилок. «Милая, милая Анечка... – вздохнула про себя Яна. – Здесь же страсти кипят. Шекспировские. До сих пор. Ну как ты не видишь?»

Дождавшись, когда бывшие разойдутся наконец по работам, она снова водрузила ноутбук на колени и попыталась пробудить давно уснувшую Музу. Муза не будилась, так что Яне пришлось заглянуть в неприбранную комнатку своей вдохновительницы. На столике, заваленном изжеванными листами бумаги, лежала записка: «Вышла за сигаретами. Вернусь не скоро».

«Очень своевременно! – возмутилась Яна. – Особенно если учесть, что роман сдавать через две недели. На кого же ты меня покинула?!»

Ладно, попробуем без Музы, решила Яна и в течение трех часов измывалась над Анной, которой в седьмой главе негодяй Гарри гнусно изменил с ее лучшей подругой Викторией. Получалось неубедительно. Гарри изменял как-то вяло, как будто Виктория его совершенно не возбуждала, напротив, вызывала в нем брезгливое равнодушие.

«Может, голубым его сделать? – невесело усмехнулась Яна. – А что? Блестящая мысль... Он закрутит бурный роман с Анниным ухажером, а брошенная и обиженная на всех мужчин Виктория «уйдет» в лесбиянки и начнет охмурять Анну. Анна сначала оскорбится, потом сдастся – это еще минимум три главы, – а потом будет хеппи-энд».

Вот это Ольга точно прочитает, к бабке не ходи... А заодно предложит всем своим знакомым «нетрадиционной сексуальной ориентации». Какой круг новых читателей! Издательство будет в восторге... Можно сказать, новое слово в любовном романе...

От гениальной мысли, естественно, пришлось отказаться – за такое в «Нише» по головке не погладят, в лучшем случае заставят переписывать, – но подлец Гарри продолжал уворачиваться от Яны, как скользкая шляпка гриба от вилки.

«– Я хочу тебя, – шепнул он Викторией, едва касаясь губами ее зардевшегося ушка. – Если бы ты знала, как я тебя хочу...»

«Ну что ж ты, Гарри... Ползешь, как сонная муха в жаркий день... – раздраженно подумала Яна, перечитав пару написанных абзацев. – Активнее надо быть, настойчивее... Если ты так ее хочешь, то уже давно перешел бы к делу... Девушка-то вон, гляди, вся извелась, а ты только и способен, что шептать ей на

ухо всякую пошлятину... К делу, Гарри, ближе к делу. То есть к телу... Мне еще четвертую сторонку писать, а ты свою даму даже не обнял еще...»

«Четвертой сторонкой» в издательстве «Ниша» назывались два абзаца – минимум девять, максимум двенадцать строчек, помещавшихся на пресловутую «четвертую сторонку» книги. Абзацы непременно должны были посвящаться романтическим отношениям героев – это были сцены поцелуев, окрашенные легкой акварелью эротики.

Главред «Ниши», седовласый расплывшийся мужчина со взглядом сонного филина, который при пробуждении оглашает ночной лес своим неистовым «угу!», требовал с авторов непременно уложиться в этот формат. «Два абзаца – тринадцать строк! – повелительно вскидывал он голову, отчего его дребезжащий голос начинал напоминать перестук пустых жестяных банок из-под пива, трясущихся в пакете городского баттлхантера. – Я не так много от вас требую. Не прошу же я вас, в конце концов, писать как Достоевский?»

Главред Михаил Викентьевич очень любил сравнивать авторов с Достоевским, всячески подчеркивая ущербность своих графоманствующих «дармоедов». Как-то Янин редактор – единственная женщина в издательстве, позволявшая себе не только спорить, но и давать советы главреду, – пошутила: «Даже если к нему на стол и попадет рукопись Достоевского, он вряд ли отличит ее от остальных».

Так и будет, всякий раз думала Яна, выцеживая из себя «четвертую сторонку», как последние капли сока из пустого пакета.

Когда Гарри наконец-то воспылал чем-то, отдаленно напоминавшим страсть, и несчастные тринадцать строчек были почти дописаны (оставалось две или три), из академии вернулся Мишка, сын Ольги и Стасика Половцевых.

Мишка жил в отдельной комнате, но частенько заглядывал к матери, особенно в последнее время, после Яниного «переезда». Яне нравился этот волосатый сероглазый оболтус, который до сих пор ей выкал, хотя отношения у них сложились приятельские и двенадцатилетняя разница в возрасте игнорировалась обоими.

Ольга выскочила замуж совсем молоденькой, в девятнадцать, – с Яной они познакомились значительно позже, – и Мишка родился у мамы, которая сама

еще, по сути, была ребенком. Оказавшись не подготовленной к таким переменам в жизни, Ольга не очень-то переживала по поводу Мишкиного воспитания, но, несмотря на это, Мишка производил впечатление вполне воспитанного и неглупого молодого человека с подчас резкими, странными, но своими суждениями о жизни. Мишка слушал русский рок, почитывал Эдгара По, Ницше, пописывал вирши, пил пиво и испытывал неодолимое влечение к ночевкам в областных лесах, куда отправлялся каждый месяц. Ольгу не очень-то радовало это пристрастие сына, поэтому она под эгидой уборки в его комнате частенько припрятывала его пенки, палатки, налобники и прочие походные принадлежности у себя в шкафу.

- Здравствуйте, тетя Ян, - кивнул он Яне, которая уже в пятый раз сменила позу и теперь согнулась над ноутбуком, как ведьма над чаном с колдовским варевом.

- Р-р-р... - подняв голову, прорычала Яна. Если бы Гарри и впрямь существовал, ему бы пришлось несладко. Стоило бедняге затащить в постель женщину и воспылать к ней страстью, как его тут же выдергивали оттуда в самый пикантный момент. - Ну какая я тебе тетя? А, Мишка? Мне же всего тридцать три, а тебе уже двадцать один. Тетя Яна... Стыдно, молодой человек, стыдно...

- Привычка, - беззаботно развел руками Мишка, - ну хотите, буду называть вас Яся, как мама.

- И без «вы»?

- И без «вы», - вылупив на Яну честные серые глаза, кивнул Мишка. - А вы, то есть ты работаешь?

- Пытаюсь, - улыбнулась Яна, скорбно взглянув на недописанную «четвертую сторонку». - Сроки горят, аж пятки жжет... Ничего не успеваю.

- Я вам... тебе мешать не буду, - утешил ее Мишка, открывая дверцу шкафа. - Сейчас только пенку у матушки заберу и уйду.

- Спасибо, - кивнула Яна.

- А это какой? - кивнул на ноутбук Мишка.

– Что – какой? – прищурилась Яна.

– Роман... По счету...

– Не помню... – пожала плечами Яна. – Раньше считала, а после тридцати сбилась. Наверное, тридцать пять... А может, и тридцать восемь... Не помню...

– Ничего себе... – с благоговейным придыханием произнес Мишка. – И как это вы... то есть ты их так?

– Сама не знаю. По привычке. Графомания вообще – болезнь. Как начнешь, так и не остановишься, – пошутила Яна.

У кого-то ее трудоспособность вызывала восхищение, у кого-то недоумение и скептическую усмешку. Конечно, Лев Толстой не написал бы «Войну и мир» за две недели... И об этом говорят даже те, кто не читал «Войну и мир» Льва Толстого. Но Яна уже давно ни на что не претендовала. Она просто работала и делала это тем способом, который давался ей лучше всего.

Мишка ушел, Гарри снова плюхнулся в постель к Виктории и возобновил домогательства, так некстати прерванные Мишкиным приходом.

«Его порывистое жаркое дыхание обжигало нежную кожу Вик. Она чувствовала себя хрупкокрылой бабочкой, прилетевшей на огонь, распаленный демоном страсти. Ее пугала настойчивость Гарри, пугала сила его объятий, пугали жгучие ненасытные поцелуи, которыми он осыпал ее утомленное желанием тело. И в то же время она хотела этого черного демона. Хотела так, как ни одного...»

Страстный порыв Гарри снова остался неудовлетворенным – на столике затренькал мобильный телефон. Яна подумала, что «плохого парня» точно придется отправить к врачу для лечения упавшей потенции, и покосилась на мобильник. «Валерий», – оповестил ее экранчик. Звонил риелтор, занимавшийся пока безуспешными поисками жилья для Яны. От звонка проснулся Ганс и, пошевелив ушами-локаторами, недоверчиво покосился на трубку.

– Порядок, Ганс, – успокоила собаку Яна. – Звонит наша с тобой последняя надежда... Здравствуйте, Валерий, – поприветствовала она риелтора. – Ну как, есть новости?

– Есть, а как же, – с деланным оптимизмом ответил риелтор. – Вы сегодня свободны?

– Во сколько? – насторожилась Яна. Ольга приедет только после восьми, а без бойкой и опытной в таких вопросах подруги Яна ехать не хотела.

– Давайте встретимся в полпятого на «Таганской», – торопливо заговорил риелтор. – Квартира в Подмосковье, в Люберцах, так что будет проще, если мы поедем туда вместе. Очень, скажу я вам, хороший вариант. Одношка, третий этаж, балкон, телефон, все как полагается. И недорого – то, что вы хотели.

– А позже нельзя? – неуверенно поинтересовалась Яна.

– Не получится. Хозяин только до шести дома.

– Может быть, завтра? – робко предложила Яна.

– Так и завтра он до шести. График у него такой – с полвосьмого работает.

– А-а...

– Я бы на вашем месте даже не колебался. Таких предложений – одно на сотню. Обычно подобные квартирki снимают буквально в тот же день, когда дают объявление. А у вас что, дела какие-то неотложные?

– Да нет, я подругу хотела дождаться, – призналась Яна. – Видно, придется ехать без нее. Значит, встречаемся на «Таганке»?

– В полпятого в центре зала, – обрадованно сообщил риелтор.

Ганс подошел к Яне и положил мордочку на колени, освободившиеся от ноутбука. Взгляд у собаки был каким-то тревожным.

– Ты чего, Ганс? – Яна погладила пса по голове и наклонила к нему голову, так что ее темные волосы слились с его черной, с рыжими подпалинами, густой и мягкой шерстью. – Все хорошо. У нас есть отличный вариант. Если повезет, скоро будем жить вдвоем... Нам ведь больше никто не нужен?

Ганс сглотнул, убрал голову с Яниных коленок и поплелся к двери. Ему явно что-то не нравилось, но Яна еще не настолько хорошо понимала собак, чтобы сообразить, что именно.

Около турникетов образовался затор. Так было всегда, когда Яна вытаскивала карточку. Сумка, забитая всякой всячиной – тетрадка, записная книжка, телефонная книжка, просто книжка, три-четыре ручки (в двух уже давно закончились чернила), косметичка, зонт, щеточка для обуви, упаковка бумажных салфеток, пять конфетных фантиков, три пачки сигарет, смятая фольга от сигаретных пачек (Яна ненавидела мусорить на улице, поэтому частенько использовала вместо мусорного ведра свою сумку) и прочее, и прочее, – совершенно не хотела отдавать кошелек, в котором лежала карточка.

Наконец Яна вытащила кошелек и прислонила его к турникету. Карточка не срабатывала. Народ, сгрудившийся вокруг Яны, уже начал возмущаться:

– Девушка, чего вы возитесь?

– Блин, отошли бы в сторону...

– Е-мое, толпа уже, а она все тупит...

– Клуша!

Услышав обидное слово, Яна тут же вспомнила, что снова засунула израсходованный «поездник» в кошелек.

Пришлось идти к кассе, пристраиваться к змеиному хвосту очереди и ругать себя за несобранность. Впрочем, это было бесполезно: сколько бы Яна ни отчитывала себя, внимательности от этого не прибавлялось. «Карма», – разводила руками Ольга. «Ну ты и курица», – качал головой бывший муж, который до самой последней минуты их совместного проживания не мог взять в

толк, как можно поставить на полку шкафа кружку с чаем, забыть на залитом дождем балконе записную книжку, уйти из дома без копейки денег и выйти гулять с собакой в домашних тапочках и ночной рубашке.

«Ну ты и курица, – повторял он всякий раз, когда с Яной случалось нечто подобное, а нечто подобное случалось с ней довольно часто, – и что ж ты без меня делать-то будешь?» На этот вопрос Яна не готова была ответить ни Павлику, ни самой себе. И даже тогда, когда, собрав вещи и пристегнув поводок к ошейнику Ганса, шагнула за порог в никуда, в абсолютную пустоту, в беспросветное одиночество, она по-прежнему не знала ответа на этот вопрос. Знала только, что надо уйти, что невозможно дольше жить вместе, что невозможно оставаться там, где тебя предали, там, где ты не нужна.

Любая «нормальная баба» сказала бы, что у Яны поехала крыша, что так нельзя, что свое надо выгрызть зубами и что мужики вообще недостойны того, чтобы им такие подарки делали. Но Яна никогда не была нормальной. А от одного слова «баба» ее трясло мелкой дрожью, и больше всего на свете она боялась, что когда-нибудь ее назовут этим ужасным словом, состоящим из двух слогов «ба-ба»...

А вот Павлику нужна была нормальная, самая что ни на есть бабистая баба. Та, что и в избу войдет, и коня остановит, и дома приберет, и ужин сготовит, и пеленки за детьми стирает, и с сантехником из-за сотни попрепирается... А уж если эта самая дамочка еще и работать будет в меру испорченности (только, упаси бог, не на должности выше мужа), так и вообще – лафа несусветная.

Судя по всему, такую Павел Колесников и нашел... Так, во всяком случае, показалось Яне, когда она около двух недель назад застучала своего благоверного целующимся в машине с какой-то отаммиаченной блондинкой не первой свежести. Вглядываясь в запотевшие от их страсти стекла, Яна подумала: «Ну и курица же я!», а потом развернулась и пошла собирать вещи, которых оказалось совсем не так много: черное выходное платье, два линялых свитера, три дешевские кофточки с Черкизона, три пары черных джинсов, внушительная стопка книг с засушенными цветами, спрессованными между страницами, и старенький ноутбук – кормилец и поилец, – на который Яна возлагала большие надежды. Собиралась, как ни странно, спокойно, только в голове постоянно крутилась строчка из ее же романа: «Глория не чувствовала ничего, кроме душераздирающего желания закричать во весь голос: «Это несправедливо!»»

Слезы и боль пришли позже, уже после того, как Яна позвонила подруге и попросила «вписку» на пару недель для нее и для собаки, Ганса, породы дворчарка – изобретение Яны, что расшифровывалось как «дворовая овчарка», – верного друга, которого Яна твердо решила увезти с собой.

– На фига ты собаку забрала? – в ужасе прошептала Ольга, когда увидела на пороге понурых Яну и Ганса. – Сама без жилья, да еще и с псиной...

– Олечка, – еле сдерживая слезы, пролепетала Яна. – Павлик его выкинет. Или потеряет. Ну куда ж я без него...

Павлик так ничего и не узнал – видно, долго еще целовался со своей отаммиаченной блондинкой за запотевшими стеклами. Ольге он позвонил только через несколько часов и потребовал к телефону Яну, которая в этот момент старательно увеличивала напор воды в ванне, чтобы заглушить рыдания. Ольга сухо ответила, что не имеет представления о местонахождении Яны Нагибиной – Яна наотрез отказалась быть Колесниковой, чем вызвала бурю гнева у своего будущего супруга, – а даже если бы и имела, то все равно послала бы Павлика в такую даль, куда Макар телят не гонял.

Павлик ответом не удовлетворился и на следующий же день нанес визит подруге жены. Вслушиваясь в перебранку между Ольгой и Павликом, Яна забила в кресло и думала, что гложет мужа больше всего: то, что она от него ушла, или то, что она ушла от него? Так и не найдя ответа на свой вопрос, Яна мысленно попрощалась с Павликом и принялась отыгрываться на негодяе и изменнике Гарри, которого к концу романа планировала если не убить, то уж точно сделать неполноценным членом мужского сообщества... Проще говоря, Яна занялась самой обыкновенной сублимацией.

Через пару дней она оторвалась от ноутбука и заставила себя – впервые за несколько лет – связаться с внешним миром: закупила газет и принялась судорожно прозванивать телефоны людей, сдающих квартиры. Увы, подавляющее большинство объявлений, даже тех, что пестрили приписками «хозяин» и «не агентство», принадлежали риелторским агентствам, контакт с которыми был чреват тремя выплатами сразу: солидная сумма риелтору и две суммы хозяину, плата за первый и последний месяцы. Подавив вздох горечи и разочарования и смирившись с тем, что месяц придется сидеть на капусте и гречневой каше, Яна согласилась-таки с предложением одного из риелторов и

принялась ждать у моря погоды.

Первый риелтор, с которым связалась Яна, увы, оказался не самым понятливым человеком на этом свете. Яне раз пять пришлось объяснять ему, что на ее скромный гонорар она с трудом может позволить себе однушку в не самой близкой области, но он почему-то отказывался принимать в расчет ее материальное положение. Он звонил ей по пять раз на дню и буквально душил вариантами, которые Яна не могла представить даже в самых солнечных фантазиях. Среди них фигурировали двушки на «Кунцевской», однушки на Смоленке, квартиры с консьержками на «Щукинской» и разве что не домики на Рублевке.

– Милый вы человек... – буквально проскулила Яна, выслушав очередное безумное предложение. – Вы что думаете, я романы на денежных купюрах печатаю? Какая «Кунцевская»? Какая «Смоленская»? Да мне, чтобы в Бутове жить, надо банк ограбить...

Очередной вариант – видно, Яну решили добить не мытьем, так катаньем, – трешка в Ясеневе, натолкнул ее на мысль отказаться от услуг непонятливого риелтора, что она незамедлительно и сделала, хотя начинать поиски нового ей совершенно не хотелось.

И все же пришлось. Риелтор Валерий по телефону показался ей довольно бойким и сообразительным. Он утверждал, что работает от «Миаль» – крупного, по Ольгиным словам, риелторского агентства, – по крайней мере, в этом случае была хоть какая-то гарантия, что Яне и правда подберут жилье, более или менее соответствующее ее требованиям и худенькому карману, в котором моль уже давным-давно прогрызла большущую дырку...

Квартира на улице с названием Волковская превзошла все Янины ожидания. Во-первых, она – Яна даже мечтать об этом не смела – находилась рядом с железнодорожной станцией, во-вторых, была уютной, чистенькой, обставленной мебелью и даже с телевизором, который Яна смотрела редко, но часто включала «как фон», чтобы чувствовать в доме «чье-то присутствие», а в-третьих, что было самым главным, Яна вполне могла осилить сумму, запрошенную хозяином. Конечно, квартира была не самой дешевой, но, затянув пояс еще на пару дырок, Яна могла себе ее позволить.

– Ну как? – полюбопытствовал риелтор, заранее зная, что скажет Яна, – на ее лице было написано такое неподдельное восхищение, что квартиру можно было считать уже снятой.

Яна встретила с Валерием в первый раз, раньше они всегда общались по телефону. По обыкновению, Яна мысленно расписала его про себя.

Внешность. Глаза непонятного цвета, меняют оттенок от серого до зеленого; маслянистые. Брови узкие, почти женские; лицо круглое; кожа на лице блестит; улыбка натянутая, нервная, временами какая-то сальная; волосы – редкие, коротко стриженные, на лбу – залысины; толстый.

Манера одеваться. Брюки «а-ля совок», рубашка такого же неуловимого цвета, что и глаза, заправлена в брюки.

Возраст. От тридцати до сорока – сложно определить из-за полноты.

Черты характера. Бойкий, говорливый и чрезмерно торопливый. В постоянной жестикуляции заметна какая-то нервозность.

С их встречей вышла небольшая накладка. Оказалось, что хозяину квартиры – как выяснилось, он был хорошим приятелем Валерия – потребовалось уехать раньше времени. Поэтому риелтор встретить Яну не смог и поехал прямо в Люберцы, на улицу Волковскую, чтобы успеть перехватить ключи от квартиры. Яна удивилась, но не без облегчения подумала, что одной встречей на сегодня будет меньше.

– Отлично. Больше всего радует цена, – ответила она риелтору.

– Так, значит... – улыбнулся Валерий.

– Да, я готова ее снять.

– Скажу я вам, правильно делаете. Желающих на нее много. Пока сюда ехал, человек пять позвонили.

– Неужели?

- Естественно. Квартиры-то сейчас в цене.

- Кто б спорил, - горько усмехнулась Яна. - В такой цене, что не расплатишься...

Риелтор как-то странно на нее покосился. «Думает, наверное, что я жалуюсь...» - решила Яна и поспешила сменить тему.

- Когда мы будем заключать договор? - поинтересовалась она.

- Чего тянуть? Давайте прямо сегодня.

- Но я... - Яна до последнего надеялась, что сможет посоветоваться с Ольгой хотя бы насчет договора.

- Опять не можете? - нахмурился Валерий. - Вы поймите, Яна... как вас по отчеству... хозяин тянуть не собирается. А вдруг вы передумаете? Приедут завтра новые клиенты, так он им точно сдаст. Будете потом локти кусать.

«И правда, буду... - подумала Яна, вспомнив о безумии, царящем в Ольгиной коммуналке. - Чем раньше съеду, тем лучше. Спасибо, конечно, Ольге, но ведь в таком хаосе работать невозможно... А времени - в обрез».

- Хорошо, - кивнула она. - Только как же - без хозяина?

- Не волнуйтесь, - поспешил успокоить ее риелтор. - У меня доверенность, так что я могу совершить сделку от его лица.

- А бумаги?

- И бумаги при себе.

«Какой, однако, шустрый...» - подумала Яна. Что-то ей не нравилось во всей этой поспешности, в суетливости Валерия и в его глазах неуловимого цвета. Но, вспомнив ежеутренние перебранки между Ольгой и Стасиком, раскладушку между шкафом и скрипучим диваном, на котором спали Ольга и ее любовница Катя, Яна набрала в легкие воздуха и сказала:

- Доставайте.

Круглое лицо Валерия заблестело, как столовое серебро, начищенное зубной пастой.

- Вот и правильно, скажу я вам. Куй железо, покуда горячее. Налоги мы платить не хотим - и так цена невысокая. Так что договорчик будет простенький, обычная расписочка...

- Яська... - Ольга аж всхлипнула, целуя подругу. - Ну ты б хоть меня дождалась, ей-богу...

- Я не могла. Сказали - срочно. Квартира хорошая и недорогая...

- Недорогая... - сосредоточенно кивнула Ольга. - Эх, надо было вместе ехать. Сердцем чувствую, что-то не то... Ты ж - дитя неразумное. Ладно, сделала и сделала. Ты адресок-то оставь. Мне спокойней будет...

- Хорошо, - послушно кивнула Яна и нацарапала адрес на клочке пыльной газеты, уже года три пролеживающей на тумбочке подле телефона.

- Доберешься - позвони...

- Ага.

- Только не забудь, знаю я «ага» твои. Опять на завтра отложишь...

- Не отложу, - улыбнулась Яна, свято веря в то, что все-таки не отложит, а позвонит именно сегодня.

Нацепив ошейник с поводком на Ганса, сидящего в ожидании под дверью, Яна обвешала себя сумками и едва смогла выпрямиться под тяжестью вещей.

Ольга неодобрительно покачала головой.

- Может, тебя проводить? Давай Катьку дождемся, а? Вместе поедем...

– Нет, я поеду, Оль. Чего лишний раз людей беспокоить?

– А чего тяжести зазря таскать?

– Ничего и не тяжести, – упрямо тряхнула головой Яна. – Тебя послушать, так я в своей жизни ничего тяжелее ридикюля не носила...

– Упрямая – не могу... – вздохнула Ольга. – Ладно уж, шлепай. Главное, позвони. Слышишь, позвони! – донеслось до Яны, уже упаковавшей в лифт себя, собаку и вещи.

Посмотрев на Ганса, она улыбнулась и подмигнула собаке:

– Вот видишь: все к лучшему в этом лучшем из миров...

Глава 2

Проснувшись, Яна сладко потянулась и открыла глаза, в которые немедленно хлынул яркий солнечный свет. День, как ребенок, радовался ее пробуждению и хорошему настроению, визиты которого в последние две недели стали большой редкостью.

Странно, что Ганс не разбудил, подумала Яна и, встав с кровати, прошлась по квартире в поисках собаки. Ганс, как ни странно, мирно спал, устроившись на коврике в ванной.

Дорвался! – улыбнулась Яна. Ганс обожал дрыхнуть в ванной, что всегда ухитрялся делать, несмотря на угрозы и крики Павлика, но в коммунальной квартире устроиться с комфортом оказалось не так-то просто. Одним из бесчисленных пунктов в списке болезней Стасика Половцева была аллергия, поэтому Гансу пришлось изнывать в комнате вместе с Яной, Ольгой и спутницей Ольгиной жизни. Почувствовав свободу, Ганс улегся в своем любимом месте и не

беспокоил хозяйку своим скулежом аж до половины одиннадцатого, за что Яна испытывала к нему огромную человеческую благодарность.

Пес повел во сне ухом, и Яна, чтобы не будить пока еще тихое лихо, осторожно прикрыла дверь и вышла на кухню.

«Неужели я абсолютно одна в квартире...» Яна чуть ли не с гордостью оглядывала свои владения: маленькую комнату, в которой стояла старенькая кровать, столик с потрескавшейся полировкой и колченогий стул; крошечную кухню, где стол так тесно прижимался к холодильнику, что тот недовольно тархтел, словно обиженный этим соседством; ванную, в которую риелтор, не обладавший миниатюрной фигурой, едва смог протиснуться... Все это вызывало в Яне какой-то благоговейный трепет, и даже мысль о том, что квартира – съемная, совершенно не портила настроения.

«А Ольге я все-таки не позвонила...» – вспомнила Яна и, схватив сигареты, выбежала в коридор, как будто минута промедления – это после целой ночи! – грозила ужаснейшими последствиями. Прижав трубку плечом к щеке, Яна прикурила сигарету.

Набрав несколько цифр, она застыла с трубкой и сигаретой в руках: за входной дверью раздалось отчетливое звяканье связки ключей, одним из которых кто-то пытался попасть в замочную скважину. И не просто замочную скважину, а замочную скважину именно в ее, Яниной, двери.

Разбуженный посторонними шорохами, Ганс выскочил из ванной и принялся истошно лаять на дверь, наивно полагая, что лаем можно спугнуть загадочного визитера.

«Может, хозяин? – попыталась успокоить себя Яна. – Вернулся забрать что-то из вещей... Но почему тогда не позвонил, не предупредил? Ведь Валерий клялся и божился, что оставил ему мой сотовый... Да и по городскому можно, на худой-то конец...»

– Фу, Ганс! – прикрикнула она на собаку и, схватив сопротивляющегося пса за шкуру, оттащила от двери. Ганс огрызался и рвался обратно, но Яна посмотрела на него так выразительно, что он счел за лучшее заткнуться. Во всяком случае, до того момента, когда его возмущение будут готовы выслушать

все соседи.

Замок поддался, дверь открылась, а Янино сердце подпрыгнуло, как кошка, которую что есть сил дернули за хвост. Из-за двери раздалось натужное кряхтенье, и наконец Яна увидела голову немолодого мужчины, а затем и тело его, нагруженное тяжелой поклажей. По лицу мужчины градом лился пот, и он был вынужден поставить сумки и вытереть глаза, чтобы проверить, не поблажилась ли ему Яна.

Ганс напрягся и тихо заворчал на незнакомца, оскалив мощные зубы.

- Вы кто? - спросил мужчина, недоуменно разглядывая Яну.

- Яна... - растерянно пролепетала она, лелея в сердце розовую надежду на то, что мужчина все еще окажется хозяином квартиры.

- Какая еще Яна? - недовольно поинтересовался он, подвинув ногой сумку, чтобы захлопнуть дверь.

- Нагибина... Я же у вас квартиру сняла. Мы договор вчера заключили с риелтором...

- У меня? - Мужчина громко хлопнул дверью и обернулся к Яне. На его вспотевшем одутловатом лице нарисовались признаки явного недоумения. - Я вообще-то сам снимаю... Позавчера только договор подписал...

- Постойте, а кто же вы-то, если не хозяин?

- Я?

- Ну да...

- Жилец. Новый жилец. Вот только сегодня переезжаю. Мне сказали, прежние жильцы уже съехали...

- Чертова шарманка! - Яна положила трубку и так сильно затянулась сигаретой, что закашлялась. - Ничего не понимаю... - откашлявшись, пробормотала она. - Я

ведь тоже сняла эту квартиру.

- Вот это новости... - озадаченно пробормотал мужчина. - А деньги вы заплатили?

- Заплатила.

- А договор есть?

- Что-то вроде этого... Я расписку написала... Риелтор сказал, что хозяин налоги платить не хочет. Цена и так невысокая, вот я и...

- Вашего риелтора Валерием зовут?

- Валерием...

- И моего тоже... - Мужчина наморщил потный лоб и уселся на одну из тех сумок, что поставил на пол. - Сигаретку не дадите?

- Конечно, - кивнула Яна и, нащупав в кармане джинсов пачку, протянула ее товарищу по несчастью.

- Валерий, значит... - закуривая, пробормотал мужчина. - Значит, Валерий...

До Яны потихоньку начал доходить смысл того, что случилось, хотя она все еще не понимала, как это могло произойти. Казалось, вышла какая-то нелепая ошибка, и Яна все еще надеялась, что ее можно исправить.

Ганс почувствовал, что незнакомый человек если и угрожает хозяйке, то уж точно не физической расправой, успокоился и улегся под ногами Яны, чтобы на всякий случай быть начеку.

- Может, вы сроки перепутали? - все еще надеясь на чудо, спросила Яна.

- Да ничего я не перепутал, - покачал головой мужчина. - С двенадцатого мая. Сегодня двенадцатое вроде...

- Наверное... - Яна пыталась вспомнить, какое сегодня число, но от волнения все перепуталось в голове.

- Да точно вам говорю - двенадцатое... - настаивал мужчина. - Даже если бы я перепутал число, какая разница? Квартиру-то эту не на одну ночь сдают. Я расписку на год писал...

- И я - на год... - эхом повторила Яна.

- Удивительное совпадение, - язвительно хмыкнул мужчина. - Хотите, я вам объясню, кто мы такие?

- В каком это смысле? - прошептала Яна, стараясь не мигать глазами, наполненными соленой водой, как тарелка - супом.

- В самом прямом. Лохи мы. Настоящие длинноухие лохи...

Признать эту горькую правду Яна не успела, потому что на лестничной клетке снова раздались шаги - на этот раз цоканье каблуков, - и кто-то такой же уверенный в том, что обнаружит в квартире благословенную пустоту, засунул ключ в замочную скважину.

Мужчина страдальчески хмыкнул. Яна затянулась сигаретой и почувствовала, что курит фильтр. Ганс снова напрягся и заворчал, так что Яне опять пришлось хватать его за шкуру и выразительно смотреть в собачьи глаза.

В квартиру вошла невысокая девушка в туфлях на очень высоких каблуках и с очень высокой прической. Культурный уровень девушки, правда, был не таким высоким, как все остальное, потому что все ее удивление и возмущение воплотилось в одном коротком возгласе:

- Ну ни хрена себе!

- Мы тоже так считаем... - кивнул мужчина, поднявшись с сумки и галантно пропуская невежливую девушку в прихожую. - Надо думать, и вы писали расписку Валерию?

- А вы-то откуда знаете? - выпялилась на него девушка. - И вообще, хрен ли вы оба тут делаете?

- А мы, понимаете ли, тоже сняли эту квартиру. И тоже через Валерия, чтоб ему пусто было...

- Давайте ему позвоним, - предложила Яна.

Мужчина посмотрел на нее как на умалишенную.

- Толку? Сто пудов он уже выкинул свою симку и тратит наши денежки на новую... Я же говорю, лохи мы. Кинули нас. Развели. Нае... - продолжил было мужчина синонимический ряд, но, вспомнив, что рядом девушки, спохватился. - В общем, нет никакого риелтора Валерия. Есть обыкновенный жулик, который нам, троим кретинам, чужую квартирку и втюхал...

- Помягче на поворотах, - оскорбилась девушка. - Я, между прочим, себя кретинкой не считаю. И вообще, мне пофигу, что вы тут гоните. Может, это вы меня развести хотите. - Окинув подозрительным взглядом обоих, девушка достала из сумочки телефон в чехле, оклеенном пластиковыми стразами, и принялась кому-то звонить.

- Толку? - обиженно пробормотал мужчина, глядя на Яну. - Все равно трубку не возьмет...

- И что же теперь делать? - выдавила Яна.

- Узнавать, кто хозяин, и звонить ему. Пока соседи милицию не вызвали...

- Вы думаете, хозяин не знает?

- Девушка... Яна... Я вас умоляю... Конечно нет... На него все стрелки-то и падают - ему же в первый черед по башке и настучат. Зачем ему такое удовольствие?

- Так кто же сдал нам квартиру?

– Жуликус примитивус. Жулик обыкновенный. Вначале сам снял квартиру у нашего «хозяина», потом обзвонил «клиентов», то есть лохов вроде нас, и сдал. Содрал с каждого по три суммы, а потом смылся...

– Значит, денег нам не вернут... – похолодела Яна.

– Надо думать... Если, конечно, доблестная милиция не отловит нашего жуликуса примитивуса... Сами понимаете, это уже из области фантастики. Братья Стругацкие отдыхают...

– Че-ертова шарманка... – Яна разжала холку Ганса, взирающего на хозяйку с недоумением и сожалением, и нащупала в кармане сигареты.

Девушка с Эйфелевой башней на голове, очевидно, осознала тщетность своих попыток и, запихнув сотовый в сумочку, окинула собравшихся взглядом, в котором подозрение сменилось недоумением.

– И что теперь?

– К соседям, в милицию... Хотя толку... Дверь в квартире слева попросту не открыли, хотя Яна отчетливо слышала чьи-то шаги и недовольное пыхтение.

– Испугались, надо думать... – помотал головой мужчина, которого, как выяснилось, звали Алексеем Станиславовичем. – Ладно, поищем тех, кто посмелее...

– Вот люди, блин... – фыркнула Инна, девушка с Эйфелевой башней. – Чё, трудно хотя бы ответить? Быдло...

Яна не знала, кем в действительности были осмотрительные соседи слева, но характеристика «быдло» больше подходила девушке с башней на голове. Впрочем, эти соображения Яна решила оставить при себе.

Из квартиры справа раздалось недоверчивое:

– А вы кто такие?

Голос был скрипучим и, похоже, принадлежал какому-то пожилому человеку неизвестного пола. Инна Эйфелева Башня собралась было ответить в своем духе, но Яна вовремя вмешалась:

– Простите за беспокойство, мы по делу. Насчет вашего соседа. Нам срочно нужно с ним связаться, иначе у него будут проблемы...

Дверь открылась медленно, со скрипом, похожим на голос. Из-за двери высунулась старушка, древняя, как сама вечность.

– Вы насчет Витьки? И чего у него стряслось?

Алексей Станиславович бегло обрисовал ситуацию.

Старушка явно напряглась, услышав про съем, риелтора и милицию, но все-таки отнеслась к горе-соседям по-человечески.

– Надо же как... – покачала она головой, седой, как отцветающий одуванчик. – А я каждый день слышу – кто-то шастает. И шастает, и шастает... Смотрю в глазок – кто-то ходит. Ну мало ли, думаю, Витька опять комусь сдает... А вон оно что, оказывается. Подождите, найду телефончик, позвоню... Он мне еще в прошлом году оставлял. Звони, говорит, если что... Вот вам и «что»...

Старушка черепашьим шагом прошаркала в глубь квартиры, долго рылась по ящикам, потом наконец вышла и торжественно протянула Алексею Станиславовичу замусоленную телефонную книжку.

– Посмотри-ка, сынок. А то я уж совсем слепая, ничего не вижу... Витька... Ах ты, господи, голова дурная... Самойлов он, Виктор Геннадиевич...

Оказалось, хозяин квартиры припеваючи живет в Переделкине и, естественно, ведать не ведает, что творится в его квартире, которую, как выяснилось, собирался снять вовсе никакой не Валерий, а какой-то Курлы Мурзалиев, родом из солнечного Узбекистана, с семьей. А вот мужчину, который представился родственником Курлы Мурзалиева, действительно звали Валерием. Он сказал, что Курлы очень занят, поэтому оформление поручил ему, то есть Валерию. Паспортные данные загадочного узбека у хозяина были, а вот с Валерием дела

обстояли хуже. Незадачливый арендатор даже не додумался поинтересоваться, почему родственник Курлы Мурзалиева даже при ближайшем рассмотрении не смахивает на узбека. Деньги Виктору Геннадиевичу заплатили сразу, так что повода волноваться не было. Так, во всяком случае, посчитал хозяин.

– Вот тебе и курлы-мурлы... – потрясла головой старушка. – И чего он с этим урюканом связался...

– Да при чем тут урюкан... – обреченно вздохнул Алексей Станиславович и повернулся к Яне: – Теперь уж точно плакали наши денежки. Паспорт чужой, данные непонятно чьи... В расписку-то он тоже не свои вписал, а хозяйские... Менты этого Валерия днем с огнем не сыщут. Ни денег, ни жилья...

– Я же говорила, что ты – дите неразумное, – вздохнула Ольга. – Говорила, дожись меня, ну дожись... Нет, поехала одна. Вот теперь и пожинай плоды своих трудов. Расписка! Ну это надо же! Обалдеть можно... Кому рассказать, не поверят, что в наше параноидальное время кого-то так запросто можно развести...

– Оль, и так фигово... – простонала Яна, отхлебывая кислый травяной чай, от которого, по словам Ольги, «улучшается аура».

– Фигово ей... Слушала бы меня – все было бы хорошо. Я даже гороскоп твой читала на вчера. Паршивенький, знаешь ли, гороскоп... Тебе, Рыбе, надо было спрятаться где-нибудь под камешек...

– Ты меня с Раком, случайно, не перепутала?

– Ладно, за камешек, и вообще не перебивай... сидеть и не высовываться...

– Оль...

– Ну что «Оль»? Откуда в тебе это овновское упрямство?

Яна пожала плечами. В отличие от Ольги, помешанной на гороскопах, ей было совершенно наплевать, кто она: Овен, Рыба, Рак или Водолей. Кем бы она там ни была, факт оставался фактом: в ее жизни наступила полоса фатальных неудач.

И с этим надо было срочно что-то делать.

– Оль, а у тебя денег можно занять? – робко поинтересовалась Яна у подруги.

– Можно, – вздохнула Ольга. – Только, будь добра, опять не вляпайся. И если соберешься что-то снимать, позвони мне.

– Ладно, – кивнула Яна, – позвоню...

Глава 3

Долгие часы поисков в Интернете ни к чему не привели – Яне так и не удалось найти квартиру «через хозяина». Агентство «Дирижабль» привлекло ее заманчивым предложением «вариантов», то есть платой лишь за предоставленную информацию о сдающихся квартирах. По сравнению со стоимостью недешевых риелторских услуг плата казалась столь незначительной, что Яна сразу же решила позвонить в «Дирижабль».

– Мы даем вам список квартир, где указана их стоимость и, разумеется, телефоны арендодателей, а вы платите нам за эту информацию, – объяснил ей секретарь. – Все квартиры сдаются через хозяев, поэтому и сумма, которую мы просим, существенно ниже стандартных расценок риелторских агентств. Приезжайте: побеседуете с менеджером, заключите договор – и список в вашем распоряжении.

Надо ехать, решила Яна, все еще колеблясь, звонить Ольге или не беспокоить ее из-за такого пустяка. Ольга просила позвонить в том случае, если Яна соберется снимать квартиру. Но так ведь это же не съем, а всего-навсего информация...

«Позвоню, если будет что-то серьезное...» Яна закрыла ноутбук и посмотрела на Ганса, уже по опыту знавшего: когда хозяйка закрывает свою машинку в середине дня, значит, собралась куда-то уехать.

– Все будет хорошо, – успокоила она не то собаку, не то саму себя.

В «Дирижабле» ее взяла в оборот молоденькая боевая девушка. Она говорила так много и так быстро, что Яна, пытаясь вслушиваться в ее речь, мигом перезабыла весь перечень вопросов, заготовленный по дороге.

– В вашем списке больше ста вариантов, – тараторила девушка, – вы обязательно что-то себе найдете. Варианты подобраны в соответствии с вашими запросами и возможностями, поэтому проблем не будет. Конечно, квартиры не самые дешевые, но вы же знаете, какое дорогое сейчас жилье. Зато агентство не берет свою долю – вы платите «Дирижаблю» только за базу данных. Ну что, будем подписывать договор?

– Да, – кивнула Яна, хотя сумма, которую «Дирижабль» брал за три листа бумаги, казалась ей не очень-то адекватной, как и спешка, с которой девушка навязывала заключение договора.

Яну всегда было легко сбить с толку. Наверное, поэтому Павлик и выдавал свою любимую фразу: «И что ж ты без меня делать-то будешь?» Раньше всеми житейскими вопросами занимался муж, а теперь Яне пришлось столкнуться с той реальностью, о которой она меньше всего хотела что-либо знать. И эта реальность в лице бойкой девушки с глазами вороватой чайки сейчас сплющила Яну, как толстая книга – ее высохшие цветы.

– Тогда я – за бумажками. Присядьте пока. – Девушка кивнула на стульчик, притулившийся рядом со шкафом, заставленным папками, на которых красовалась одна и та же надпись: «Дирижабль». – Я ненадолго.

Яна подошла к стулу и села, перебирая в голове слова, рифмующиеся со словом «дирижабль». В голову пришло только французское «мизирабль», что в переводе, если Яну не подводил чахлый словарный запас, частично стершийся после экзаменов на втором курсе, означало «ужасный».

«Мизирабль... мизирабль... Корабль! – осенило Яну. – Дирижабль – воздушный корабль, и лететь на нем – мизирабль... Эх, надо было все-таки позвонить, Ольга ведь просила...»

Словно подслушав Янины сбивчивые мысли, в сумке истерически завопил мобильный. На этот раз Яна даже обрадовалась звонку. Звонила Ольга, чутье которой иной раз приводило Яну в замешательство.

- Оль, привет...

- Привет, ты где?

Что-то, а с интуицией у Ольги все было в порядке.

Сразу догадалась, что Яна не дома.

- В офисе... - проямлила Яна, пытаюсь сформулировать ответ, полностью соответствующий настоящему положению дел.

- В каком таком офисе, Ясь?

- В агентстве...

- Ты опять за свое?! - возмутилась подруга.

- Да нет, Оль, я ничего не снимаю. Здесь информацию продают.

- Какую еще информацию, горе ты луковое?

- О квартирах. Я плачу только за список... Ольга нервно расхохоталась:

- Ах ты, боже мой, я как чувствовала... Ослица ты упрямая... Не вздумай ничего подписывать, Ясь. Мне только сегодня про такое кидалово рассказывали... Вот как знала, заглянула в твой гороскоп. А у тебя там: «Не совершайте необдуманных поступков, вы снова можете пасть жертвой чужих корыстных намерений»... Ясь, ну какого рожна ты туда поперлась? А почему мне не позвонила?..

- Я беспокоить не хотела. Да ты же сама говорила: «Звони, если будешь снимать». Так я же ведь не снимаю...

- Не снимает она... В общем так, бери, Яся, ноги в руки и вали оттудова...

- Но...

- Не «но», а коровья лепешка! - рявкнула Ольга. - Опять же вляпаешься, горе луковое! Бежмя беги из этого агентства!

- Ладно, - сдалась Яна. - Ты только не волнуйся...

- С тобой успокоишься! У меня вся аура в черно-фиолетовый отливает!

- Ладно, ладно... - пробормотала Яна и поднялась со стула. Черно-фиолетовая Ольгина аура обычно не предвещала ничего хорошего. - Уже ухожу.

Яна попятилась к двери, как будто Ольга говорила с ней вовсе не по телефону, а стояла напротив с большой и увесистой скалкой в руках.

- Девушка, а вы куда? - донесся до Яны голос.

- Оль, я перезвоню.

- Никаких договоров, Ясь! Ничего ты по этим спискам не снимешь! Слышишь меня?!

- Слышу... Яна обернулась. Девушка, вернувшаяся с папкой в руках, удивленно ее разглядывала.

- Я... Я... - растерянно пробормотала Яна. - Кошелек забыла... И вообще, я пойду, то есть поеду... А потом зайду к вам, и подпишем ваши... - Она кивнула на бумаги, понимая, что несет полный бред.

Девушка, догадавшись, что вожделенная рыбка выпрыгнула прямо из клюва, состроила холодную мину:

- Ну что ж, как хотите... Мы никого не заставляем... «Вот и слава богу», - подумала Яна и, бросив смятое «до свидания», вышла из офиса.

Вот тебе «и все к лучшему в этом лучшем из миров»... Яна затаилась сигаретой и покосилась на дверь лифтового отделения. Серо-зеленая краска – она с детских лет ненавидела этот казенный цвет – облупилась, и на двери проступили загадочные картинки. Одна была похожа на филина, другая – на профиль сердитого дяденьки в шляпе, третья на дерево, кажется ясень. «И чего тебя в лес понесло... – подумала Яна про дяденьку, который, насупившись, разглядывал филина. – В лесу, да еще и в шляпе. Это еще хуже, чем в трусах и галстук...»

Шум лифта вернул ее из лесу прямо в подъезд. И правда, при чем тут дяденька? Ее-то зачем понесло в это агентство? Вот она, русская халява... Меньше заплатишь – больше поплачешь... – правильно Ольга говорит. Хорошо, хоть она вовремя позвонила. Иначе точно кинули бы...

Яна искренне не понимала, как это можно: взять и подставить человека. Вытянуть из него деньги, причем немалые, а потом слинять или сделать вид, что ты не при делах... Яна бы так не смогла, может быть, поэтому и думала, что с ней так не поступят. По себе людей не судят, правду ведь говорят...

Павлик, вечно что-то тащивший с работы, постоянно посмеивался над Яной, которой и утащить, по большому счету, было нечего. «Тащи с работы каждый гвоздь – ты здесь хозяин, а не гость», – гордо сообщал он, принося очередную пластиковую финтифлюшку и ставя ее к остальным, запыленным, месяцами валявшимся на полках. «Тащи хотя бы три гвоздя, так больше жить уже нельзя, – смеялась Яна и, краснея, спрашивала: – Милый ты человек, мне-то что тащить? Я ведь даже собственные книги за деньги покупаю».

И правда, политика «Ниши» в этом плане, как, впрочем, и во всех остальных, была предельно проста: «Твои книги – ты и покупай, а не нравится – так и не работай»...

Доехав до первого этажа, лифт взвизгнул и, с минуту подумав, медленно пополз вверх.

«Хорошо бы не сюда, – поморщилась Яна. – Стою, как персонаж, на пороге. Не хватало еще, чтобы соседи увидели... А все Стасик со своей нервной орторексией... Если бросать курить, так всей семьей...»

Стасик Половцев и его жена Анечка действительно решили расстаться с пагубной привычкой, что, к сожалению, затронуло всех обитателей квартиры, которые, в отличие от Стасика и Анечки, не были столь озабочены своими легкими и продолжительностью своей никчемной жизни. Прочитав мудрую книгу, библию всех сознательных курильщиков, «Хочу и брошу», написанную каким-то западным умником, эта сладкая парочка принялась изводить всех подверженных дурной привычке.

В первую очередь досталось Ольге, которая курила немногим меньше, чем Яна. Ольга долго сопротивлялась изгнанию в подъезд, однако Стасику, никогда не владевшему даром убеждения, тем не менее удалось внушить бывшей жене чувство вины. К этому приему он прибегал довольно часто и, как ни странно, успешно – видно, Ольга действительно испытывала некий дискомфорт, оттого что после их расставания у бывшего открылась язва. После репрессии подвергся и Мишка, которому отец строго-настрого запретил курить в своем присутствии. Сама Яна даже не пыталась возражать против таких мер. Да и с чего бы – она всего лишь обыкновенная приживалка в этом хоть и сумасшедшем, но гостеприимном доме.

Лифт снова взвизгнул, и двери со скрежетом открылись. «Ну вот, – с тоской подумала Яна. – Сейчас придется улыбаться, здороваться и делать вид, что я просто счастлива лицезреть Ольгиных соседей...»

– Яся?

Яна повернулась к лестничному пролету и замерла с сигаретой у рта. Возле лифта стоял Павлик. Если бы Яна среагировала чуть быстрее, то успела зайти в квартиру, но, пока она раздумывала, Павлик поднялся, перепрыгивая через две ступеньки, и остановился напротив нее:

– Яся...

– Для тебя Яна Евгеньевна, – наклоняясь, чтобы затушить сигарету о край жестяной консервной банки, процедила Яна.

– Да брось, Ясь. Я ж к тебе по-человечески...

– Ага, – нервно хихикнула Яна. – По-человечески... Значит, изменять, по-твоему, человечно? – Она выпрямилась, но рядом с Павликом, как и прежде, показалась себе маленькой, слабенькой и жалкой.

– По крайней мере, естественно... – Павлик смотрел на нее немигающим взглядом, как в старые добрые времена, когда пытался в чем-то ее убедить.

Не тот случай, подумала Яна и удивилась, что Павлик этого не понимает.

Выходит, измена для него – такая же рядовая ситуация, как раньше, – самоутверждение за Янин счет. «Он ведь никогда меня не видел, – подумала Яна. – И сейчас не видит. Как будто я не человек, а его тень...

Сбежавшая тень, которую во что бы то ни стало надо вернуть...»

– Павлик, я пойду, – вяло ответила Яна, поддавшись его пристальному взгляду. – День был тяжелый, а мне еще работать. Какая теперь разница, изменил ты мне или нет? Все, проехали...

– То есть как – проехали? – недоуменно воззрился на нее Павлик. – Это значит то, что я с тобой пять лет прожил, – не в счет? Значит, по барабану, что мы женаты, что я вообще-то с тобой всю свою жизнь собирался прожить?

– Долго и счастливо? – усмехнулась Яна, которую уже начало бесить его еще месяц назад привычное яканье. – Ты собирался, ты прожил... Я-то к этому какое отношение имею?

– Не язви – тебе не идет... Холодные глаза Павлика приобрели неприятную бесцветность, как было всегда, когда он начинал злиться. Увы, в отличие от Яны злился он холодно, некосноязычно и мог быть очень грубым, бил, не стесняясь в выражениях, и часто попадал в цель.

– Павлик, я не хочу язвить... – Яна почувствовала, как внутри все сжимается, съеживается, как подожженный клочок бумаги. – И видеть тебя я тоже не хочу. Давай разойдемся спокойно. Не друзьями, конечно, – ими мы никогда и не были... Просто тихо и без склок. Я не для того ушла из дома, чтобы выяснять с тобой отношения здесь...

– Да ты просто споказушничала, – скривился в улыбке Павлик. – Типа вся такая крутая, типа ушла, как мужчина... Круто, конечно, Ясечка, я это оценил. А теперь собирай свои вещички и пойдём домой.

От Павлика можно было всего ожидать, но такая наглость повергла Яну в замешательство. Растерявшись, она даже не нашлась что ответить.

Услышав голос бывшего хозяина, залаял проснувшийся Ганс.

– Фу, Ганс! – крикнула Яна через дверь.

В Павликовых глазах промелькнула знакомая Яне тень. Павлик мнил себя манипулятором и действительно был им, во всяком случае, когда дело касалось Яны. Он мог надавить на жалость, мог нащупать больные точки и жать на них, покуда у жены не перехватывало дыхание, образно, конечно, говоря. Сейчас больной точкой был Ганс. Собака «считалась» общим, по мнению Павлика, «совместно нажитым имуществом», так что по-хорошему Яна не имела права единолично принимать решение и забирать Ганса с собой. То, что Павлик терпеть не мог Ганса и всячески противился тому, чтобы подобранный Яной щенок остался в доме, никого не волновало. С этой минуты Ганс, ежедневно и еженощно досаждавший хозяину своим присутствием, – Яну всегда удивляло, как Павлик с таким отвращением ко всем живым существам с маниакальным упорством требует от нее завести ребенка, – стал прямо-таки пределом мечтаний Павлика.

– Ясь, а собака-то общая... – сообщил Павел, кривя губы в неприятной усмешке. – Какого же хрена ты ее себе забрала?

– Павлик, у тебя совесть есть? – округлила глаза Яна. – Ты ж с ним даже не гулял. Один раз прошелся, да и то Ганс потом бегал от тебя, так что пятки сверкали...

– Так что с того? – не меняя выражения лица, поинтересовался Павлик. – Нажили мы его вместе. Ел он и пил за мой счет...

– Я вообще-то тоже работала, – напомнила Яна.

– Ой, Ясь, ну что ты там зарабатывала своей писаниной? Постеснялась бы, интеллектуалка хренова... Тоже мне творческая личность, блин... Посмеши кого-нибудь другого... Платили тебе копейки, основной доход приносил я... Если бы не моя зарплата, ты бы ноги протянула...

– Неправда!

Злость и обида, засевшие глубоко внутри, как заноза, которую уже никто не чаял вытащить, выскочили вдруг на поверхность.

– Сколько бы я ни получала, мне этих денег хватает! И Гансу тоже! И не смей намекать, что ты заберешь собаку! Так я и отдала тебе Ганса, чтобы ты в тот же день его на улицу выкинул!

– Моя собака, что хочу, то и делаю, – невозмутимо ответил Павлик, которого, казалось, забавляло то, что Яну так легко удалось вывести из себя. – Не хочешь возвращаться, отдавай собаку.

Павлик потянулся к дверной ручке, но Яна спиной налегла на дверь.

– Не смей! Это не твой дом! Хочешь, чтобы тебя Стасик за шиворот оттуда выкинул? – Она блефовала – дома была только Анечка, которая вряд ли помогла Яне своими причитаниями.

– Стасик? – Павлик расхохотался. – Твой Стасик даже таракана прихлопнуть не сможет, куда уж тут мужика... Не смей... Собирайся домой или отдавай мне Ганса. Я свое слово сказал.

– Я милицию вызову... – одними губами прошептала Яна, прекрасно понимая, что никакая милиция из-за таких глупостей не поедет. А если и поедет, то Павлик уже успеет увезти Ганса, и после этого собаку она вряд ли когда-нибудь увидит. Разве только, правда, не надумает вернуться к Павлику. Но от этой мысли ее так своротило, что Яна почувствовала приступ тошноты.

Глядя на злорадно ухмыляющегося Павлика, Яна спросила себя: «Как же я с ним жила все эти пять лет?» Перед глазами промелькнула свадьба, гости, улыбающееся лицо жениха. Казалось, тогда он был совсем другим. Все

изменилось немногим позже – уже через полгода статус любимой женщины сменился статусом чего-то привычного, чем можно помыкать, над чем можно доминировать, на чем можно срывать свою злость, что можно не замечать, когда не нужно, и замечать лишь для того, чтобы изречь с презрительной усмешкой: «Ну ты и курица»... Кажется, это что-то называется «женой». Во всяком случае, у таких мужчин, как Павлик...

– Ну и дерьмо же ты... – вырвалось у Яны.

Размахнувшись, Павлик ударил ее по лицу и отпихнул от двери.

– А ну, пусти... Яна, уже не чувствуя ничего, кроме боли и ненависти, вцепилась в его плечи руками и попыталась оттащить от двери. Это было и смело и глупо одновременно: Павлик был раза в два сильнее ее и не преминул этим воспользоваться. Яна отлетела к перилам и, если бы не вцепилась в них, обязательно скатилась вниз по ступенькам.

– Да помогите же кто-нибудь! – крикнула она в пустоту.

Внизу снова взвизгнул лифт, но Яна почему-то не сомневалась: по закону подлости на пятый этаж никто не поедет. Павлик уже распахнул дверь, а наивный Ганс кинулся к хозяйке, имевшей бледный и растрепанный вид.

– Домой, Ганс, домой! – Яна попыталась отпихнуть собаку, но Ганс лез к ней с неуместными поцелуями. – Да иди же домой!

– Где поводок? – сверкнул глазами Павлик.

– Да пошел ты к черту, ублюдок! – выплюнула Яна, вытирая с щеки что-то липкое и слишком уж сладко пахнущее для слез. – Домой, Ганс!

Из комнаты выскочила Анечка, облаченная в длинный махровый халат: казалось, она снимает его только по праздникам.

– Что у вас тут творится? – вытаращив мышинные глазки, спросила она. – Яся, ты в крови... А это кто?

– Аня, забери собаку! – закричала Яна, изо всех сил отталкивая Ганса, который прыгал и пытался облизать ей лицо.

Но Анечка забирать собаку не торопилась. Запахнув халатик, как будто Павлику только и было дело, что до ее прелестей, она во все глаза смотрела на супругов, как будто впервые в жизни видела, как двое, еще недавно жившие вместе, поливают друг друга помоями.

Павлик понял, что Ганса придется вести без поводка, поэтому подошел к Яне и попытался взять пса за шкуру. Ганс обернулся и посмотрел на Павлика такими глазами, что тот одернул руку.

– Успокойся, Ганс. Сейчас пойдем домой... – Павлик попытался вразумить собаку, но Ганс вразумляться не собирался. Он повернулся к Яне спиной, напрягся в холке и тихо, упреждающе заворчал. – Га-анс... – назидательно протянул Павлик, но пес продолжал издавать звуки, исполненные недобрых обещаний. – Ну хватит уже, Ганс... – сменил тактику Павлик. – Мы же с тобой сколько жили под одной крышей... Сколько я тебя...

Раздался привычный визг лифта, скрежет дверей, и из пролета донесся голос:

– Девушка, это вы кричали?

Яна обернулась. По ступенькам поднимался молодой мужчина.

Внешность. Глаза светло-серые, небольшие, блестящие; небольшой рот, нос с горбинкой – он, пожалуй, великоват для таких глаз и губ, но лица не портит; брови светло-пепельные, почти серебристые, не очень широкие, но и тонкими их назвать нельзя; высокий; не полный, но и не худой.

Манера одеваться. Темные джинсы, светло-голубая (мятая) рубашка в тонкую полоску, черные (пыльные) ботинки на липучках с закругленными носами. На груди болтается флэшка, по всей видимости вывалившаяся из кармана рубашки.

Возраст. Тридцать с маленьким хвостиком, едва ли больше.

Черты характера. Как минимум отзывчивость и чуткость.

- Я... - по привычке расписав про себя «героя», ответила Яна.

- Что-то случилось?

Поднявшись, он оглядел немую сцену: Ганс по-прежнему рычал на Павлика, Павлик с нескрываемым раздражением на лице разглядывал злопыхателя, который помешал ему завершить разборки с бывшей женой и собакой, Анечка все еще стояла столбом, разглядывая всех немигающим мышинным взглядом.

«Как персонажи... - с тоской подумала Яна. - А я-то еще радовалась, что удалось оставить семейные разборки за кадром...»

- Что-то случилось? - повторил мужчина. В его голосе звучало такое спокойствие, словно он каждый день наблюдал нечто подобное у себя дома. - У вас кровь на щеке, - кивнул он Яне. - Вы, что ли, зачинщик? - поинтересовался он у Павлика.

«Зачинщик - поденщик, нет, не то... горчичник... не точно, но уже близко... Если ты зачинщик, в лоб влеплю горчичник...» - срифмовала Яна и подняла глаза на Павлика, с лица которого мигом смылся весь грим самоуверенности.

- А вам-то что? - попытался усмехнуться Павлик, но его коронная презрительная усмешка выглядела сейчас на редкость жалкой.

- Это вы у дядей в сером спросите. Лучше бы вам до дома прогуляться, пока я и правда милицию не вызвал.

- Сейчас собаку свою заберу... - В Павлике выиграли не то остатки не сбитой еще спеси, не то страх «потерять марку» на глазах у бывшей жены.

- Это моя собака, - заметила Яна. Она старалась говорить спокойно, но ее голос дрожал в унисон подбородку - ей отчаянно хотелось зареветь, но это было бы слишком похоже на то, что она пытается вызвать к себе жалость.

- Это ее собака, - спокойно повторил мужчина, глядя на Павлика.

- Нет, это моя собака...

– Уж я-то собак знаю. На хозяев они так не рычат. За редким исключением... Вот вы, видать, исключение. Из хорошего правила.

– Да чихать я хотел на твои знания, – опустив глаза, бросил Павлик и повернулся к собаке. – Ганс, пошли домой.

Все, может быть, еще обошлось, если бы Павлик не протянул к собаке руку. Ганс, издав предупредительный рык, впился в нее зубами.

– Ах ты, сукин сын... – скорчившись, простонал Павлик.

Ганс не собирался оспаривать это вполне достоверное утверждение. Он повернулся к Яне, очевидно пытаясь понять, изволит хозяйка казнить или помилует. Хозяйкино лицо грозным не выглядело, поэтому Ганс успокоился и снова повернул морду к Павлику, скрючившемуся от боли.

Когда боль наконец прошла, Павлик разогнулся и, обдав Яну с предателем Гансом взглядом, полным ненависти, прошипел что-то более резкое, чем «да пошли вы к черту», а потом спустился к лифту.

– Давайте я вам врача вызову, – предложил мужчина. – Не дай бог, что-то серьезное...

– Нет, не надо, – помотала головой Яна. – Спасибо вам, что вмешались.

– Да я и не вмешивался, – улыбнулся мужчина. – Так, мимо проходил. А это, – кивнул он на Янин висок, – надо перекистью смазать. У вас есть или принести?

– Спасибо, все есть... – Ранку на виске действительно саднило, но Яна радовалась даже тому, что отделалась обыкновенной ссадиной.

Участливый незнакомец попрощался с Яной, помахал рукой Гансу, который ему определенно понравился, и спустился по лестнице, на этот раз пешком.

– Ясечка, может, правда, врача? – очнулась от спячки Анечка.

- Не надо. Ань, а у тебя водка есть?

Вернувшись ввечеру, бывшие застали дома удивительную картину: Яна и Анечка - активный борец за здоровый образ жизни - сидели на кухне, громко говорили и... допивали бутылку водки.

Возмущению Стасика не было предела. Казалось, он застал жену вовсе не на кухне, за распитием бутылки, а в постели с другим женщиной.

- Анечка! Мать моя! Да что же это?! - возопил Стасик, тыча костлявым пальчиком в бутылку. - Вот такого я от тебя не ожидал! Вот такого не ожидал, нет! Совсем, Анечка, не ожидал...

- Стасик Половцев в гневе... - давась от смеха, прошептала Ольга. - Кто бы мог подумать... Анечка, и тебе не страшно?

Яна думала, что Анечка посмотрит на мужа своим обычным немигающим мышиным взглядом и по-тихому убежит в комнату. Но алкоголь пробудил в серой мышке настоящего тигра.

- А что такого-то? - с вызовом поинтересовалась Анечка. - Мне что, нельзя? Ты, между прочим, на прошлом корпоративе тоже зажег и на свою язву плевать хотел! А я что, хуже?!

- Анечка, ты чего? - От неожиданности Стасик позабыл всю обличительную тираду, которую, судя по его лицу, готовил выдать жене.

- А ничего! - окончательно осмелела Анечка. - Я тут не просто так, между прочим, пью, Стасичек... Я Яну утешаю...

Ольга, у которой плохо сдерживаемый смех выплескивался изо всех щелей, даже посерьезнела и недоуменно посмотрела на Яну, которая в этот момент только что опрокинула рюмку и закусила ее малосольным огурцом.

- Что у вас тут опять стряслось?

– Да ничего особенного, – хрустя огурцом, ответила Яна. – Это Анечка так, шутит...

– Анечка – шутит? – хихикнула Ольга. – Да никогда не поверю.

– А ты хихикай, хихикай... – зашипел на бывшую Стасик. – Твоя, между прочим, школа... Разлагаете мне супругу...

Яна почувствовала, что сейчас не выдержит и тоже расхохочется. Чтобы как-то сдержаться, она откусила огромный кусок огурца, но смех никак не хотел проходить. Ее буквально распирало изнутри, так же как минуту назад распирало Ольгу. Яна изо всех сил пыталась зажевать смех огурцом, но внутри все ежилось и прыгало, как от щекотки. Не в силах сопротивляться, Яна расхохоталась. Недожеванный огурец выскочил изо рта и угодил прямо в Стасикову грудь, что вызвало смех уже у Анечки, вслед за которой покати́лась Ольга. Ей пришлось прижаться к косяку, чтобы не упасть.

Через полчаса, когда Яна принесла свои извинения, а Стасик, отфыркав и отшипев, успокоился и увел с собой упиравшуюся Анечку, Ольга отвела подругу в ванную, умыла и напоила одной из своих чудодейственных смесей.

– Пей, поправляй ауру, а то совсем почернеешь...

– Скорее посинею, – невесело усмехнулась Яна.

Хмель уже начал проходить, и Яне все отчетливее виделось ухмыляющееся лицо Павлика в причудливом рисунке на разодранной клеенке, куда Яна упрямо пялилась, чтобы не смотреть в глаза Ольге. Чтобы стереть проклятое лицо с клеенки и из памяти, Яна поставила на него чашку.

– Ну, что случилось-то, горе луковое?

Яна и рада была бы отмолчаться, но настойчивость Ольги и сцена, которую они с Анечкой устроили Стасику, требовали объяснений. Да и нехорошо было скрываться от подруги, которая столько для нее делает...

- Вот козлина, – выслушав, констатировала Ольга. – А ведь я говорила: не подходит он тебе, ну не подходит никак... Он – Скорпион, эгоист и тиран. А ты Рыба – мечтательница, блин... Какая уж тут совместимость?
- Вечно ты со своими гороскопами... Скорпион... Рыба... Какая разница? Главное, человек – дерьмо...
- А твой спаситель?
- Что – мой спаситель? – недоуменно поинтересовалась Яна.
- Как – что? Ты хоть узнала, как его зовут?
- Нет...
- Не-ет... – передразнила подругу Ольга. – И вся ты в этом. Нет бы познакомиться, на чаек пригласить...
- Ага, думаю, Стасику и без него достаточно хватило, – отмахнулась Яна. – Представь, если бы он увидел пьяную Анечку в компании незнакомого мужчины. Да Стасика бы тогда точно инфаркт хватил.
- Не хватил бы, – скептически усмехнулась Ольга. – Стасик больше нагоняет. Я с ним жила, я-то знаю... Ипохондрик он, вот кто.
- Нет, он – орторектик.
- Это еще кто?
- Человек, повернутый на здоровом образе жизни, – объяснила Яна.
- Круто. Надо будет Стасику сказать, как его болезнь называется.
- Не вздумай. Он и так меня за огурец ненавидит.
- Ольга улыбнулась, вспомнив сцену с огурцом:

- Да успокойся ты. Стасик Половцев не способен на такие сильные чувства. Слушай, Ясь...

- А?

- А твой Павлик тебя раньше... того?

- Чего - того?

- Ну... бил?

Яна уткнулась в кружку, всем своим видом изображая человека, наслаждающегося вкусом и ароматом чая.

- Ясь? - напомнила о себе Ольга.

Яне пришлось вынырнуть из кружки.

- Какая теперь разница?

- Значит, бил... Как ты с ним жила-то?

- Сама не знаю. Любила когда-то... Да и не было такого, как сегодня... Обычно он только за руки меня хватал...

- Только за руки хватал... - передразнила ее Ольга. - Чего же ты раньше от него не ушла?

- Не знаю... Наверное, одиночества испугалась... Думала, что все поправимо. Что человек не мог измениться так сильно, что больше такого не повторится. И потом, так серьезно у меня еще ни с кем не было. Все до этого было какое-то... ненастоящее, что ли... Не хочу я об этом. Давай не будем, ладно?

- Ладно, - кивнула притихшая Ольга. - Слушай, а я ведь риелтора тебе нашла. Девчонка одна на работе посоветовала. Сама сняла, все в порядке. Сработал парень быстро, сразу те варианты начал предлагать, что надо. Завтра она мне

телефончик skinет, так мы ему позвоним. А, Ясь?

- Да. - Яна механически кивнула.

- Ты спишь уже за столом. Пойдем, я тебя положу...

- Ну что ты со мной как с ребенком. Сама лягу...

- Да ты и есть - дите неразумное... - покачала головой Ольга. - Слушай, Ясь, - спохватилась она. - А Мишка не приезжал?

- Не-а, - покачала головой Яна. - Да оставь ты его. Он уже большой мальчик. Студент. А студенты все живут весело.

- Как писатели? - улыбнулась Ольга.

- Как писатели, - ответила Яна, подумав, что, в сущности, у писателей далеко не такая веселая жизнь, как почему-то представляется окружающим.

Глава 4

Голос вопящего Стасика будил Яну уже не первое утро, но именно по его тону она, даже не проснувшись, могла с точностью сказать, какой сегодня день недели.

Это был точно не понедельник, потому что в понедельник Стасик вопил слабо, как герой анекдота про дистрофика и собачку; не вторник, потому что во вторник под его вопли можно было спокойно спать; не среда, потому что в среду в вопле Стасика звучала какая-то обреченность, которой сейчас не слышалось; не четверг, потому что в четверг Стасик вопил почти так же, как в среду, только чуть тише; не пятница, потому что в пятницу вопль Стасика звучал почти как хрип. Это была суббота, потому что именно в субботу Стасик Половцев обыкновенно вопил во всю силу своих крепких - после двухнедельного

некурения – легких.

Ганс, терпеливо дожидавшийся, пока хозяйка проснется, понесся к ней с утренними поцелуями, а заодно и с напоминанием, что неплохо бы выгулять свою собаку, покуда у той не разорвался мочевого пузыря. Яна чмокнула пса в черный нос, нехотя распахнула одеяло и слезла с раскладушки.

На этот раз легкие Стасика в прямом смысле разрывались из-за того, что Ольга позволила себе выкурить на кухне целую сигарету. Стасик был вне себя. Он негодовал, возмущался и даже пытался стучать маленьким кулачком по столу, на который, как Яна поняла из его криков, Ольгу угораздило уронить пепел.

На этот раз в коридоре Яна столкнулась не с Анечкой, а с Катей, которая с флегматичным спокойствием заядлого жильца общаг и коммуналок собиралась на работу. В дразги и склоки между бывшими она, в отличие от Анечки, никогда не встревала, быть может, потому, что знала: если Ольга кричит, значит, ей это необходимо. К тому же Катя, что роднило их с Яной, обладала склонностью к трудоголизму, так что частенько не замечала того, что происходило у нее прямо под носом.

К Ольгиной «нетрадиционной ориентации» Яна относилась спокойно. Ей всегда не нравились люди, осуждающие других за то, что те, видите ли, живут «не по канонам». Частенько в таких спорах Яне приводили аргумент «противоестественно» и, делая многозначительную паузу, вещали о продолжении рода человеческого, который, дескать, вымрет, если все представители женского – или мужского – пола будут любить себе подобных.

Яне же казалось, что природа мудра и справедлива и не допустит, чтобы все женщины и все мужчины воспылали страстью к представителям своего пола. А раз так, то что за беда, если люди встретились и полюбили друг друга, нашли своих половинок, пусть даже эти половинки и не отличаются от них по половому признаку? Что за ересь объявлять этих людей изгоями и читать им длительные, а главное, бесполезные нотации о том, что они могли бы стать гетеросексуалами, если бы хорошенько присмотрелись к противоположному полу?

Конечно же каждый из них обжегся, и в этом вся причина их «ненормальности». Конечно же их необходимо лечить, как слабоумных, как нравственных калек. И

конечно же им необходимо внушать, что они должны и обязаны жениться – или выходить замуж – на тех, с кем они могут наплодить потомство на благо страны и человечества... И кому потом будет дело до того, что многие из этих «нетрадиционно ориентированных» людей ломают себе судьбу, создавая «нормальную» семью в угоду «нормальному» обществу?

Ольга наверняка могла бы выслушивать то же самое, если бы не была такой обаятельной и отважной. За ее «изумительную нежно-голубую ауру» и взгляд, исполненный невинности и загадочности, ей прощали все, и даже эту «ненормальность» простили, по всей видимости даже не вдумываясь в сам факт ее наличия.

Единственным человеком, которому Ольга стеснялась признаться в своей «неправильности», оказалась мама, но мама, к счастью или к сожалению, жила слишком далеко, чтобы вмешиваться в жизнь своей непутевой дочки...

Вернувшись, Яна вымыла Гансу лапы в красном тазике, который Стасик специально выделил для «собачьих дел», и тут же услышала радостный Ольгин возглас:

– Яся, сегодня твой день!

– Что, опять по гороскопу мне счастье? – вяло поинтересовалась Яна, пытаясь хоть на секунду задержать вырывающуюся Гансову лапу в стареньком полотенце.

– И по гороскопу тоже. Риелтор звонил. Сказал, что есть забавненький вариант. И не квартира даже, а кое-что получше...

– Неужели дом? – Яна ослабила хватку, и Ганс, поняв, что теперь уж точно избежит ненавистной процедуры вытирания мокрых лап, вырвался и понесся отряхиваться прямо на кухню.

– Яся! – не своим голосом завопил Стасик. – Яся, убери собаку! Она на меня своих бактерий набрызгает!

С кухни раздался звонкий Ольгин смех. Яна поймала окончательно развеселившегося Ганса, вытерла ему оставшиеся две лапы и с миром отпустила в комнату.

- Так это все-таки дом? - спросила она у Ольги, вернувшись на кухню.

- Угу. - Ольга отхлебнула чай и кивнула.

- Если дом, значит, без газа и воды, - приуныла Яна.

Ей сразу вспомнилась Стасикова дача: ежеутренние походы за водой, мытье под бочкой, водруженной на четыре столба, и прочие прелести, с которыми можно примириться летом, но зимой... И хотя она давным-давно грезила об уединенной жизни в каком-нибудь дачном поселке, все-таки ей хотелось, чтобы эта жизнь не была омрачена каждодневной морокой по обустройству дома.

- А вот фиг тебе. Все там есть. И газ, и электричество, и водопровод.

- Не может быть... - Яна достала из кармана джинсов пачку сигарет, но, увидев испепеляющий взгляд Стасика, поглощавшего нечто похожее на щавель, тушеный с сельдереем и морковью, тут же засунула сигареты обратно.

- Еще как может. Я же говорю - твой день. У Рыб по гороскопу выгодное материальное вложение, шанс, который появляется раз во много лет.

- Но это же бешеные деньги, - манкируя содержание гороскопа, возразила Яна. - Ты представь, сколько может стоить домик со всеми удобствами?

- Я и представила. Но Дима сказал, что хозяйка просит совсем немного. - Яна открыла рот, чтобы спросить, кто такой Дима и как такой домик может стоить «немного», но Ольга ее опередила: - Дима - риелтор. Помнишь, я говорила, что его мне знакомая с работы посоветовала? Почему домик такой дешевый, я не знаю. Димка объяснил, что хозяйка не столько денег хочет, сколько того, чтобы за домом присматривали. Хозяйка - бабулька какая-то, она там даже не живет. Туда раз в год, да и то по обещанию, ее внук заглядывает. Вроде как он - журналист, вечно по командировкам мотается. Дом в хорошем состоянии, там даже ремонт пытались сделать, но почему-то не закончили... В общем, сдается

домик, что называется, в хорошие руки.

- И как же эта бабуля поймет, хорошие у меня руки или плохие?

- По-моему, так у тебя на лице написано, что ты - человек порядочный.

- Так уж и написано? - недоверчиво улыбнулась Яна. - Спасибо, конечно, но...

- Не «но», а коровья лепешка, - перебила ее Ольга. - Смотреть поедем или будем лясы точить?

- Конечно, поедем, - быстро согласилась Яна. - Просто страшно, что снова кинут.

- Я тебе фигню когда-нибудь советовала? - возмущенно поинтересовалась Ольга. - Дима - риелтор проверенный, ему репутация дорога. Да и договор я обязательно прочитаю. Уж будь уверена, ни одной буквочки не упущу.

На этот счет Яна не сомневалась. Когда речь шла о бумажках, Ольга становилась дотошной, как заправский нотариус, и в эти моменты даже ее излюбленные гороскопы переставали иметь значение.

По дороге - Стасик оказался столь любезен, что отвез женщин на своей машине, предварительно, правда, взяв с них обещание, что те не будут в ней курить, - Яна, наученная горьким опытом, пыталась отыскать в потенциальной сделке хотя бы один изъян. Если в доме есть газ, электричество и водопровод, что же с ним не так? Может, он у черта на рогах? А может, соседи какие-нибудь ужасные? Вдруг они на ночь ручного аллигатора погулять выпускают?

Фантазии завели бы ее далеко, но Ольга попросила Стасика остановить машину.

- Ну что такое... - недовольно пробубнил Стасик, однако все же послушал Ольгу и свернул на обочину. - Так мы и за сто лет не доедем...

- Успокойся, Половцев, ты столько не проживешь, - хихикнула Ольга.

Стасик испуганно покосился на Ольгу - бывшая жена коснулась самой болезненной темы. Благодаря чудодейственному питанию, волшебной книге о

вреде курения и силе духа, которая у Стасика, несомненно, имелась в избытке, он намеревался дожить как минимум до двухсот.

- Да ладно, Половцев, шучу я... Нам свои дела надо сделать. Пойдем, Ясь.

Стасик отогнул переднее сиденье, и Яся, опустив голову чуть ли не до живота, выбралась из «Нивы».

Когда женщины вылезли из придорожных кустов, Ольга хитро подмигнула Яне:

- Сейчас покурим...

- А Стасик? - вопросительно кивнула Яна на Ольгиного бывшего, нервно барабанящего пальцами по рулю.

- Ничего, потерпит. Сам виноват - в следующий раз не будет пундеть из-за глупостей.

- В следующий раз он нас просто не повезет, - резонно заметила Яна.

- Повезет, куда денется. Ты Половцева плохо знаешь. Он... как это говорят... вспыльчивый, но отходчивый. Хотя все равно - зануда чистоплюйная...

Как и предполагала Яна, чуткий нос Стасика уловил запах табачного дыма сквозь приоткрытую форточку.

- Мать ты моя! - возмущенно крикнул он Ольге. - Мы так не договаривались!

- Капитолийская волчица твоя мать. Я обещала не курить в машине, а про улицу уговора не было.

- Ну ты и зараза, Ольга Андреевна, - покачал головой Стасик. - И как тебя твоя Катя терпит?

- Катя - мудрая женщина. Она знает, что, если я чего-то хочу, лучше мне это позволить. Все равно возьму без спроса.

- А ты ауру свою испортить не боишься?

- Да ты, я гляжу, Половцев, шутить научился...

- Ну хватит уже, - вмешалась Яна. - Правда, Оль, поехали. Неудобно уже...

- Неудобно бычки курить. А мы с тобой курим сигареты...

- Оль...

- Ну ладно, ладно, пошли...

Через сорок минут Стасик остановился уже по собственной воле, чтобы посмотреть карту.

- Вроде где-то рядом... - сосредоточенно разглядывая веточки с точечками и надписями - Яна так и не научилась разбираться в картах, - произнес Стасик. - Налево, направо... Поздравляю, дамы, почти доехали.

- Не так уж и далеко, - повернулась Ольга к Яне. - Конечно, своим ходом будет подалече.

- Ничего, не так уж часто я езжу, - успокоила подругу Яна. - Раз в две недели можно будет потерпеть электричку и автобус...

Машина проезжала мимо поселка, а Яна во все глаза рассматривала дома, пытаясь угадать, какой же из них тот самый... Этот красный с огромными вишневыми деревьями? Или этот, серый, с почти готическими башенками? Но ни тот, ни другой, ни третий «тем самым» не оказались. Яна разочарованно вздыхала и снова вглядывалась в домики, пока наконец не увидела его.

Стасик проехал мимо, но Яна была точно уверена, что это именно тот дом, о котором говорила Ольга. Аккуратный беленький домик, для одной Яны, пожалуй, слишком великоват; ставни выкрашены в небесно-голубой; крылечко, тоже голубое, - три ступеньки. Домик старый, но до слез уютный, сразу видно, что нынешняя хозяйка хоть и не живет в нем, но любит его так, как можно любить вот такой старенький, одряхлевший, полный воспоминаний дом.

Странно, что в нем никто не живет, подумала Яна. Домик вызывал такое чувство, словно в нем каждый день пекли пироги и ужинали всей семьей. Может быть, так казалось потому, что из-за туч наконец-то выглянуло солнце и, кокетливо подмигнув, скользнуло по домику ласковым лучом.

- Это он... Ольга обернулась:

- Кто - он?

- Домик, - ответила Яна. - Мне кажется, этот...

- Стасик, ты не проехал ли, часом?

Стасик одним глазом покосился на карту, а другим на исчерканную трещинами дорогу, из-за которой старенькая «Нива» подергивалась, словно в конвульсиях.

- М-да... Точно проехал. Уела, Ольга Андреевна. Сейчас будем разворачиваться...

- А как ты догадалась? - восхищенно спросила Ольга.

Яна пожала плечами:

- Не знаю. Почувствовала.

- Это хорошо, - одобрительно кивнула Ольга. - Хороший знак.

Яна вздохнула. Знаки, гороскопы - ну как Ольга, такая с виду рассудительная, может верить в подобную чушь?

Выйдя из машины, Яна еще раз присмотрелась к дому. Солнце снова скрылось, и теперь он уже не казался таким уютным. И все-таки было в нем что-то такое, что привлекало к нему, тянуло, подталкивало подняться по трем ступенькам и заглянуть внутрь.

Стасик остановился, чтобы закрыть машину, а Ольга в своей обычной манере ехидничала по поводу его осторожности.

– Что, разглядываешь? – услышала Яна незнакомый голос и, вздрогнув, обернулась. На нее немигающим взглядом уставилась какая-то бабулька.

Внешность. Глаза маленькие, как ягоды черной смородины; взгляд острый, любопытный; на обветренных губах лукавая улыбка; маленькая, но крепко сбитая, видно, что на здоровье не жалуется и каждый божий день занимается «зарядкой» в своем саду или огороде.

Манера одеваться. Цветастая плиссированная юбка по щиколотку, линия кофточка вишневого цвета.

Возраст. Наверное, около семидесяти? Во всяком случае, согбенной старушкой ее не назовешь.

Черты характера. Уж точно любопытство.

Хозяйка, наверное, решила Яна и сразу расстроилась, потому что совершенно по-другому представляла себе эту женщину.

– Да, присматриваюсь, – кивнула Яна, стараясь казаться доброжелательной.

– Я б на твоём месте даже не думала... Знаешь, чего она этот дом сдаёт?

– Кто? – недоуменно вскинулась Яна.

– Полина Артемьевна.

– Нет... А кто такая Полина Артемьевна?

– Кто-кто, хозяйка, конечно... «Ф-фух... – вздохнула про себя Яна. – Слава богу, ошиблась».

– Не знаю.

– Зато я знаю... У них тут эта... как там её... гематогенная зона.

- Геопатогенная? – уточнила Яна, изо всех сил стараясь сдержать улыбку.

- Вот-вот, она самая... Тут у них всякая ересь творится.

- Да? И какая же?

Бабка, учуяв Янину заинтересованность, оживленно продолжила:

- Валька-то, сын Полины Артемьевны, уже полгода как сюда не наезжал. Да и сама она только по праздникам наведывается. Дом какие-то черти нерусские приезжали делать, да так и уехали, испугались, видать, чего-то. Так она, дура старая, других наняла. Ну и те два дня да две ночи продержались – тоже сбежали. Так вот, когда нету здесь никого, чудеса всякие происходят... Один раз я свечу в окне видела, а другой что-то по дому гремело, грохотало, да так, что я чуть на тот свет со страху не отправилась... На следующее утро вызвала я милицию. Да разве они чего сделают? С живыми маньяками справиться не могут, а с нечистой-то силой? Ну, так и замяли дело. А я нет-нет да и слышу всякую чертовщину. Дом-то по соседству... А еще сюда бомжи всякие наведываются... – выразительно сверкнула она глазами-смородинами.

- Бомжи? – удивилась Яна.

- Да ходит тут один... Крутится везде... А возле этого дома ему как медом намазано. Я Полине Артемьевне говорила, да она разве слушать будет?

- Здравствуйте, – поздоровалась с бабкой подошедшая Ольга. – А вы, наверное, хозяйка?

- Хозяйка – Полина Артемьевна. А я – соседка, – деловито объяснила бабка. – Вот, рассказываю подружке вашей, чего тут за чудеса творятся.

Чудесами Ольга заинтересовалась не на шутку, так что, если бы выбравшийся на крыльцо риелтор – он обещал встретить клиенток уже на месте – не помахал им рукой, Яне во второй раз пришлось бы слушать историю про полтергейст, «гематогенную» зону и перетрусивших гастарбайтеров.

Риелтором оказался парень лет двадцати пяти, и теперь Яна уже не удивлялась тому, что Ольга фамильярно называет его Димой.

– Скажи-ка мне, Дима, – с порога начала Ольга, – а что это за история с привидениями?

– Опять она за свое, – буркнул Стасик. – Нет бы о транспорте расспросить, о магазинах – так она о привидениях... Ясь, ты бы хоть ее уняла...

– Ее уймешь, пожалуй, – улыбнулась Стасику Яна. – Она сама кого хочешь уймет. Пускай спрашивает. Всяко разно, это лучше, чем не спросить вообще ничего и снять уже сдающуюся кому-то квартиру, – добавила она, вспомнив свои невеселые приключения с однушкой в Люберцах.

– А ну ее, – махнул рукой Стасик. – Пойду лучше сад посмотрю. Эх, мою бы дачку обустроить. Воду, газ провести. Ей-богу, взял бы да переехал. И питались бы своим, натуральным, а не этими консервантами... А тут, как я погляжу, не особо-то старались. Ябоньки, вишня, сныть да одуванчики. Смотри, сколько сорняков понапустили...

Дима Ольгиных чаяний не оправдал и о привидениях ничего не рассказал... Хозяйка дома, Полина Артемьевна, о привидениях не распространялась.

– Все, что я знаю, – краснея под пристальным Ольгиным взглядом, ответил Дима, – так это что раньше, после революции, эту дачу какому-то писателю отдали. Так сказать, во временное пользование. Он тут прожил несколько лет и умер здесь, а дачу его со временем не то продали, не то отсудили... Здесь после него только одна семейная пара жила. А потом домик мать Полины Артемьевны купила. А про привидения ничего не слышал, честно вам скажу.

– Да чушь это все, – покосилась на Ольгу Яна. – Может, эта бабка Полину Артемьевну попросту недолюбливает и наговаривает на дом, чтобы мы не сняли. А может, новых соседей не хочет. Ну какие тут привидения – уютный, милый домик.

– Вначале изнутри поглядим, – недоверчиво буркнула Ольга и зашла на террасу.

Терраса оказалась довольно просторной. В ней не было ничего лишнего, однако присутствовало все необходимое. Старенькая газовая плита, раковина, обеденный стол, накрытый фиолетовой скатертью. На столе стояли графин и две чашки. Приглядевшись к графину и чашкам, Яна заметила, что на них нет ни пылинки. В воздухе витал подозрительный запах несвежих носков.

- Вы уверены, что здесь никто не живет? - покосилась Яна на Диму.

- Да, - кивнул риелтор. - Хозяйка уже месяц сюда не приезжала - разболелась... Сейчас в больнице лежит, сделку мне поручила оформить.

- Она что - не приедет? - встряла Ольга.

- Из больницы? Конечно нет. Но вы не волнуйтесь, мы и без нее все как надо оформим... Она мне даже ксерокопию паспорта дала.

Яна скользнула по нему недоверчивым взглядом.

- Плохо, - покачала головой Ольга. - Подруга уже заключала договор без хозяина.

- И что? - поинтересовался Дима.

- Кинули ее, вот что. Оказалось, этот якобы риелтор сам снял квартиру, а потом сдал ее еще троим и смылся.

Диму явно оскорбило подобное недоверие.

- Нет, вы, конечно, можете меня подозревать, - недовольно заметил он. - Сейчас черных риелторов на рынке много... Но вообще-то мне казалось, что вы, Ольга Андреевна, потому ко мне и обратились, что я вашей приятельнице помог. А если уж вы мне совсем не доверяете, я могу дать телефон моего агентства, да и хозяйке позвонить. И потом, в конце концов, если не к спеху, дождитесь ее выписки. Хотя, если честно, я привык через знакомых работать, - смягчившись, добавил он, - поэтому таких вопросов обычно не возникает. Но если надо - сделаем все, как положено.

– Ладно, – кивнула Ольга. – Обойдемся без звонков и ожиданий. Главное, чтобы договор был нормально оформлен...

– За это не волнуйтесь, – улыбнулся Дима. – Ну что, террасу посмотрели? Пойдемте в комнаты...

Комнат оказалось целых четыре, и Яна почувствовала себя барыней в хоромах. Мебель, судя по ее виду, была очень старой, но сохранилась хорошо. В серванте стояла чистенькая посуда, а на книжных полках – несколько томов классики и две вазы с засушенными розами. И вот что удивительно: на книгах, как и на графине с террасы, не было ни пылинки.

– Странно, что все такое чистое, – озвучила свое недоумение Яна. – Как будто только вчера убрались. За месяц здесь должна была уже скопиться пыль.

– Не знаю, – пожал плечами Дима. – Может, здесь ее не так много?

– И запах еще этот... странноватенький... – принялась Яна. – Надо будет хорошенько проветрить.

Они вошли в комнату, по всей видимости отведенную под рабочий кабинет: к левой стене прижался большой шкаф, заставленный книгами, справа – шкаф, состоящий из множества маленьких шкафчиков с неизвестным содержимым, а возле окна стоял внушительный стол с толстыми пузатыми ножками, на котором красовался деревянный стакан с ручками и прочими канцелярскими принадлежностями. Из-под крышки стола, испещренной морщинками трещин, робко выглядывала тумбочка с многочисленными выдвигаемыми ящиками. К столу был придвинут стул с высокой спинкой, обитый потертым бархатом фиолетового цвета.

Ольга состроила такую гримасу, словно увидела в кабинете не стол со стулом и тумбочкой, а кучу хлама, который собрали изо всех комнат и приволокли сюда.

– Не нравится мне все это... – покачала она головой.

– В каком это смысле? – удивился Дима. – Я сам заходил, смотрел. Все чистенько вроде...

- Да нет, не в чистоте дело... Энергетика здесь какая-то паршивая...

- На вас не угодишь, - натянуто улыбнулся Дима. - Теперь энергетика паршивая... С чего вы это взяли?

- Я так чувствую. - Ольга потерла ладонями обнаженные плечи, как будто они покрылись мурашками. - Знаете, как будто в доме кто-то есть. Может, эта бабка, Ясь, и права была... Что-то тут не так... Понимаете, - Ольга выразительно посмотрела на Диму, словно он окончил не риелторские курсы, а школу по воздействию отрицательной энергетики на ауру человека, - у меня очень чувствительная аура. Когда я зашла сюда, она была нежно-голубой, а теперь... стала фиолетовой, прямо как все в этом доме...

- Уф-ф... - выдохнул Дима. В его глазах Яна прочитала явную симпатию к Ольге и явное желание понять ее прибабахи с аурой. - И что вы хотите сказать?

- Может быть, поэтому дом так дешево сдается?

- Ольга Андреевна, - вздохнул Дима, которому уже до чертиков надоели Ольгины придирки, - я вас, честное слово, пытаюсь понять. Но что тут поделаешь? Цену я сбить не могу - сами сказали, она и так невелика. А снимать или не снимать - ваш выбор. Я же вас не заставляю... Утешить вас я тоже не могу - ну не спец я в области паранормальных явлений. А вообще, я бы на вашем месте не сомневался: домик отличный, просторный, чистенький, со всеми удобствами... И потом, может, у вас просто настроение плохое... Вот и мерещится всякая чепуха.

- Оль, - Яна умоляюще посмотрела на подругу, - хватит человеку голову морочить. Мне домик нравится. Я на такой даже не рассчитывала. О цене я вообще молчу. Жить где-то надо. И никакая геопатогенная зона мне его снять не помешает.

- Наконец-то, - с облегчением вздохнул Стасик, не меньше риелтора утомленный Ольгиными придирками, - хоть кто-то ей объяснил, что она - чокнутая.

- Я этого не говорила, - возразила Яна. - Я только сказала, что сниму этот дом.

– Делайте как знаете, – обиженно фыркнула Ольга, – только потом, Ясечка, не жалуйся, что тебе хреново...

– Хорошо, не буду, – улыбнулась Яна.

Все же было бы ужасно обидно послушать Ольгу и упустить чудесный бело-голубой домик со всеми удобствами, четырьмя комнатами, чистенькой посудой и фиолетовыми скатерочками, аккуратненько укрывавшими столики.

Ганс вел себя почти как Ольга, с той только разницей, что был собакой и не мог сказать Яне, чтоб она «потом не жаловалась». Но его фыркание, лай и ворчанье говорили куда красноречивее всяких слов.

– Ну чего, Ганс, чего? – раздраженно спрашивала Яна собаку, ворчащую и лающую через каждые пять минут. – Что тебе снова не нравится? Весь дом – твой. Где хочешь, там и ходи. Даже душевая есть с ковриком – спи не хочу. И чего тебе нейдет?

Ганс смотрел на хозяйку тревожным взглядом, но ничего, разумеется, не отвечал, только с подозрением принюхивался к углам и ворчал на стены, оклеенные лиловыми обоями с серебристыми треугольниками.

С разбором вещей Яна покончила быстро. Да и что было раскладывать? Разве что книги, для которых, к Яниной радости, нашлось местечко в рабочем кабинете, где стоял большой шкаф, заставленный собраниями сочинений.

«А книги-то старые, – подумала Яна, разглядывая библиотеку хозяев. – Видно, еще с тех времен, когда здесь этот писатель жил... Интересно, почему их здесь оставили? И вообще почему она так бережет этот дом, хотя здесь никто не живет? Ремонт небольшой сделала, обои новые поклеила, даже душ поставила современный, а от мебели так и не избавилась... Как будто она все здесь хотела сохранить, сберечь. Было бы понятно, если бы тут ее предки жили. Но домик-то купленный...»

Яна поставила несколько своих книг в свободную часть шкафа. Ганс снова залаял, на этот раз с террасы, и от неожиданности Яна уронила одну из книг на

пол. Из книги вывалилась засушенная хризантема с крупной золотистой сердцевинкой. Когда-то Павлик, в очередной раз провинившись, принес ей букет из пяти таких хризантем. Кажется, они назывались «Инга». Яна засушила эту хризантему в томике Ибсена, надеясь, что когда-нибудь эти воспоминания будут приятно согревать душу. Но сейчас хризантема вывалилась совершенно некстати, и вместо приятных воспоминаний Яна почувствовала болезненный укол, как будто ее ужалили, только не снаружи, а изнутри. Запихнув хризантему обратно, Яна поставила книгу на полку. Ганс продолжал лаять, как одержимый, – так обычно он лаял на незнакомцев, – и Яне снова пришлось откликнуться на его зов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gradova_irina/venok-iz-oduvanchikov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)